

фантастическая
история

Андрей Величко

Гости незванные

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Андрей Феликсович Величко
Гости незваные
Серия «Кавказский принц», книга 6

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2826195
Гости незваные: Альфа-книга; Москва; 2011
ISBN 978-5-9922-0966-2*

Аннотация

Что происходит в Российской империи в тысяча девятьсот четырнадцатом году, через два года после победы в мировой войне? Какие проблемы встают перед ее народом? А перед властью? А перед теми, кому эта власть ну очень не нравится? Ни Александр Кобзев, старший лаборант одного из академических институтов Москвы, ни Виктор Кисин, член партбюро этого же института, никогда не задавали себе подобных вопросов. Но ведь случается, что ответы на невысказанное приходят и помимо нашего желания.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Величко

Гости незванные

Пролог

Смена дежурных секретарей государственного канцлера произошла как обычно, то есть в семь утра. Заступивший на этот пост расписался в журнале и откинулся в своем кресле. Никаких дел до появления канцлера не предвиделось, а он обычно приходил от десяти до половины одиннадцатого. Далеко не всегда дежурства начинались, а тем более проходили столь безмятежно, но послезавтра с самого утра канцлер собирался в отпуск, на свою канарскую дачу. А так как он не любил оставлять что-либо важное на последний момент, то на сегодня никаких особых дел и не планировалось. Разумеется, могло произойти что-нибудь непредвиденное, а пока секретарь взялся за только что доставленные утренние номера основных питерских газет – с докладом из народного контроля он уже ознакомился.

Однако уже в восемь утра произошло событие, аналогичных которому за всю свою пятилетнюю службу секретарь мог припомнить от силы десятков. Со второго поста сообщили, что канцлер встал и спешно направился в свой кабинет. Интересно, подумал секретарь, чего это дяде Жоре недоспал? Но подумал он об этом без особого любопытства. Надо будет – ему скажут, что сочтут нужным, а нет значит нет. Задавать лишние вопросы в ближайшем окружении канцлера было не принято.

Канцлер вошел в приемную, кивнул секретарю и проследовал в свой кабинет. Зайдя, он сразу поднял трубку телефона с орлом вместо наборного диска и сказал:

– Это Найденов. Его величество уже встал? Да, давайте. Гош, доброе утро. И что-то меня терзают смутные подозрения, что и ты тоже вскочил в такую рань не просто так. Я прав? Тогда нам, пожалуй, не помешало бы обменяться впечатлениями, причем не по телефону. Танечка? Нет, специально не вызывал, она минут через сорок сама придет, как раз когда ты подойдешь. Да зачем на вертолете – спешить следует только тогда, когда хотя бы отдаленно представляешь себе, куда и зачем. Или я ошибаюсь и ты все-таки представляешь? Ну и ладно, значит, езжай на авто, дабы не ввергать Питер в тягостные раздумья, куда это их величество с ранья намылилось на вертолете. Я в кабинете, жду. Разумеется, кофе будет. Давай.

Канцлер сел и потянулся к стоящему на столе электрочайнику – так как сегодня он пришел не в обычное время, то, понятное дело, чайник был абсолютно холодным, но все же с водой. Нажав кнопку, Найденов откинулся на спинку стула и задумался.

Его императорское величество Георгий Первый прибыл через полчаса. Быстрым шагом зайдя в кабинет, он сел напротив канцлера.

– Привет, – пододвинул ему чашку с кофе Найденов, – и, пожалуй, начну я, как младший по званию. Итак, сегодня около восьми утра я пробудился в хорошо мне знакомом состоянии. А именно – в таком, какое бывает после закрытия портала. Проснувшись окончательно, я сообразил, что и открытие тоже вроде чувствовалось, причем чуть ли не в тот же момент. Вот, собственно, и все с моей стороны. А что было с твоей?

– Да в общем то же самое, но я в это время не спал и могу сказать совершенно точно – и открытие, и закрытие я почувствовал одновременно. Даже не так – одномоментно! У нас, кстати, подобного не получалось никогда. Первое, что я подумал, – это снова дети. Но пока ехал, что-то засомневался.

– Да уж, Вовочка в Крыму, Настя в Москве, но не это главное. Тогда ощущения были совсем другие – будто портал вот-вот откроется. Ты это даже почувствовал не сразу, если

помнишь. Нет, хоть наши дети и смогут, я думаю, при какой-то минимальной тренировке тоже открывать порталы, но сейчас это вряд ли были они.

– Тогда Никонов? Ну или еще кто-нибудь из РФ.

– Возможно. Кроме того, это мог быть портал из какого-нибудь третьего мира. Далее, не исключено какое-то природное явление, которое мы с тобой чувствуем как открытие портала.

– Хорошо бы, – кивнул император, – и, кстати, это вполне возможно. Потому как вряд ли портал мог закрыться в момент открытия, а ведь я почувствовал именно это. И что мы теперь будем делать?

– Ты – ничего. А вот я сяду предаваться горестным раздумьям – и как там, на далеком острове Гран-Канария, чувствуют себя мои кошки? Небось скучают. Но поездку придется отложить, это мне интуиция подсказывает, а она у меня берет слово хоть и редко, но всегда по делу. Так что в десять я распоряжусь о введении в действие плана «Недохват», в конце концов, он и был придуман именно на подобный случай.

– Я думал, ты его уже ввел.

– Зачем? Обычно у меня рабочий день начинается в десять, и ни к чему стимулировать всякие пересуды еще и ненормально ранним проявлением активности, которое все равно ничего не даст.

Глава 1

Александр подошел ко входу в институт без пяти девять. По привычке глянул направо, где под приветом с застойных времен в виде плаката «Народ и партия едины» уже вторую неделю красовалась примета не то перестройки, не то плюрализма. А именно: крупно и красиво написанное дополнение к основному тексту «Раздельны только магазины». До сих пор не наблюдалось попыток убрать плакат или хотя бы замазать дополнение, что могло говорить о двух вещах: или партия действительно вступила на путь демократизации общественной жизни страны, или она занята чем-то важным и ей не до каких-то там идиотских плакатов. Александр был уверен, что второе предположение гораздо ближе к истине. Судя по поведению знакомых ему коммунистов, добившиеся определенного положения члены партии ныне увлеченно делали деньги, а остальные судорожно искали пути в те сияющие высоты внутрипартийной иерархии, где это станет возможным. Правда, имелась и немалая прослойка коммунистов только по названию, которые и раньше ограничивали свою активность уплатой взносов, а теперь потихоньку забивали болт даже на это.

Впрочем, иногда попадалась на глаза и еще одна разновидность, крайне малочисленная, которую Александр называл про себя «упертые». Как раз сейчас яркий ее представитель и торчал на проходной.

В не столь давние времена, каковые сейчас определили как застой, директор института прекрасно обходился пятью замами. Но с началом перестройки их число вдруг начало ударно множиться и к моменту объявления демократизации и гласности достигло тринадцати. Последним к этой команде прибавился зам по режиму Постигань, который сейчас как раз занял исходную позицию, чтобы через полчаса начать отлавливать опоздавших. Ну просто цирк – при Андропове и то обходились без такого зама, а тут на тебе! По слухам, его турнули из райкома за излишнюю принципиальность, и теперь он тщетно пытался привить дисциплину в и без него редееющие от перестроечных новаций ряды научных сотрудников. Но пока борец за порядок не добился ничего, кроме посвященного своей персоне стиха:

Если в этакую рань
Повстречался Постигань
Это значит – дело дрянь,
Увольняйтесь в ИФИАНь.

Вообще-то Александр вполне допускал, что придется так и сделать, тем более что туда его звали старшим инженером на сто шестьдесят пять рублей, но спешить он не собирался. Ибо не зарплатой единой жив человек! Такой, как у него сейчас или даже как предлагали в ИФИАНе, по нынешним временам единой никак не хватит, нужно не меньше трех, это если брать по самому минимуму. Реально у Александра выходило порядка шести.

Во-первых, триста тридцать в месяц он получал в центре НТТМ, где делал блок управления к мощному лазеру для института геохимии. Точнее, делал он его прямо на своем рабочем месте, только считалось, что это происходит во вне рабочее время. Ну и имелся еще один приработок, ради которого он сегодня и поперся в институт на полчаса раньше официального начала рабочего дня вместо того, чтоб, как все приличные люди, заявиться туда часов в одиннадцать. Нужно было убрать со своего стола раскиданные там кишки японского стереомагнитофона «Акай», недавно по дешевке купленного в сгоревшем виде. Ибо, как его предупредили вечером, прямо с утра ожидалась какая-то комиссия от партбюро, и Александр подозревал, что имеющаяся на его столе картина будет не очень соответствовать представле-

ниям этой комиссии о труде скромного советского лаборанта, вот и решил сегодня заявиться пораньше и прибрать все лишнее.

Около одиннадцати в подвале, где находилось рабочее место Александра, появились визитеры. Было их всего два, но зато один из них оказался завлабом, который тут не был вообще ни разу, да и в институте последнее время появлялся далеко не каждый день. Вторым оказался смутно знакомый тип, который вроде раньше работал в СКТБ при институте, а с началом перестройки двинулся по партийной линии.

– Познакомьтесь, пожалуйста, – вальяжно сообщил завлаб, – это Саша Кобзев, старший лаборант, хозяин, так сказать, данной установки. Саша, это Виктор Иванович Кисин, по решению ученого совета дальнейшие работы на вашей установке будет проводить он.

Ага, подумал Александр, Арутюнян, получается, сожрали. Ибо и хозяином, и автором стоящего посреди подвала устройства был доктор физматнаук Сергей Гайкович Арутюнян. Здесь он изучал какие-то тонкости туннельного эффекта и вроде бы даже достиг определенных результатов. Во всяком случае, он интерпретировал всплески на кривых поглощения как туннельное перемещение частиц, причем не на расстояния, сравнимые с междоатомными, как это наблюдали многие до него, а на полтора или даже два дециметра. Строго говоря, такое туннелирование в принципе можно было уже назвать телепортацией, что Арутюнян и сделал. Поначалу ему как человеку предложили в соавторы кого-то из дирекции, но этот бакинский армянин вдруг ни с того ни с сего уперся. В результате весь последний год в верхах происходила какая-то грызня, а установку Саша включал всего два раза для проведения регламентных работ. Потом Арутюнян вдруг ударился в общественную деятельность и отчалил в свой Баку, где, по слухам, публично клеймил диктат КПСС в науке. Однако продолжал оставаться в штате института. Но раз установку кому-то передают, то это либо уже не так, либо близко к тому. В общем, наш Болтович доигрался, мысленно резюмировал Александр и спросил завлаба, в каком режиме и с чем в качестве испаряемого материала запускать установку.

– Ну, надеюсь, у вас сохранились лабораторные журналы? Попробуйте воспроизвести последний опыт Сергея Гайковича. В общем, завтра я к вам еще зайду.

– Это запросто, – кивнул Саша, мысленно возликовав. Потому как не нравилась ему вся эта возня вокруг хоть и сомнительного, но все же чужого открытия. Да и сама установка торчала на редкость неудобно, перекрывая собой проход в глубь подвала. А последнее включение, произведенное доктором Арутюняном, носило чисто показушный характер перед какой-то шишкой из президиума Академии наук. Клистроны тогда включили в постоянный режим, потому как при этом в камере появлялось очень красивое свечение, а явление нетрадиционного туннелирования наблюдалось только при импульсном. Не сгорели они тогда лишь потому, что показ продолжался всего секунд десять, коих хватило для удовлетворения шишкиного любопытства. Поработай они так еще хотя бы полминуты, и каюк. Вот и ладушки, подумал Александр, подавая питание на установку и включая форвакуумный насос, сейчас эксперимент будет продолжаться до тех пор, пока его руководитель, то есть этот хмырь с кошачьей фамилией, не скамандует отбой. Или пока не погорят клистроны, что гораздо более вероятно. Причем запасных в институте нет, так что, глядишь, после этого установку и спишут. А сколько в ее силовом блоке дефицитнейших по нынешним временам радиодеталей, Саша знал не понаслышке. И с радостным видом протянул лабораторный журнал Кисину, показав, где следует поставить подпись руководителю эксперимента.

Минут через пять, глянув на показания вакуумметра, а потом в журнал, Александр принял решение вовсе не включать диффузионный насос. Потому как качать он будет часа три-четыре, а этот, блин, кандидат в кандидаты как сидел, так и сидит. На кой хрен он тут еще на полдня сдался, спрашивается? А в журнале в графе «вакуум» стояла какая-то закорючка,

которую знающий человек мог перевести как «станд». Правда, Саша-то знал, что стандартным вакуумом Арутюнян считал минус шестую степень, но сейчас тут командует не он, а Кисин. Ему, похоже, хватит и минус третьей, которую сможет дать форвакуумник. Хотя откуда, в насосе же масло уже скоро полтора года как не менялось... В общем, решил Саша, как при минус второй загорится зеленая лампа на вакуумметре, которая означает всего лишь сигнал на включение диффузионника, скажу, что вакуум достигнут, и попрошу разрешения на включение клистронов. Они, поди, в такой грязи не то что минуту, а и пятнадцати секунд не проработают.

Кисин не обманул ожиданий и покорно расписался под своим распоряжением включать клистроны, так что Саша со спокойной совестью подал на них напряжение и вывел на режим. Ох, сверкает-то как красиво, восхитился он, глянув в окошко вакуумной камеры. Куда ярче, чем было в прошлый раз при шишке. Так, десять секунд, пятнадцать, тридцать... На тридцать пятой секунде свечение из камеры резко усилилось, так что ее окошко стало похоже на прожектор, а от блоков питания послышался постепенно повышающийся вой. Нет, подумал Александр, пожалуй, хватит, а то как бы оно тут не рвануло, хотя вроде и нечему. И потянулся к кнопке «стоп», но не успел. Из камеры вдруг полыхнуло настолько ярко, что Саша на мгновение зажмурился, а вслед за этим раздался громкий хлопок, как будто от перепада давления, а затем под ногами дрогнул пол подвала.

Александр открыл глаза. Темно, только у потолка дальше по коридору какая-то узкая полоска света. И тут раздался шорох, а за ним громкий «хлюп», и свет под потолком стал гораздо ярче. Теперь было видно, что это просто кусок безоблачного неба. А там, где раньше стояли распределительные щиты, была невесть откуда взявшаяся земля, комья которой подкатились почти к ногам лаборанта. В обалдении посмотрев на ворочающуюся в одном из них половинку крупного дождевого червя, Александр перевел взгляд на дверь. От только что произошедшего катаклизма она приоткрылась, и теперь оттуда тоже проникал дневной свет.

— Однако, — буркнул Саша, — вот уж действительно, «и ни хрена же себе сходил за хлебушком». Подвиньтесь, что ли, — это он сказал застывшему столбом у двери Кисину.

Лестница за дверью имела в виде пятиступенного огрызка. За последней ступенью был земляной завал, но не до потолка. Присев, Александр пролез в щель между завалом и потолком, после чего огляделся. Да, дела... В полной растерянности лаборант смотрел на потолок подвала, срезанный по ровной дуге, и на паркетный круг посреди лесной поляны, на которую он и выбрался. Потом пролез обратно в полутьму подвала и подошел к противоположной от двери земляной осыпи на месте бывших щитов. Да, и тут потолок срезан аналогично. То есть по крайней мере геометрически картина более или менее прояснилась. Но вот фактически... Ладно, подумал Александр, как звучит главный вопрос, задаваемый русским человеком, когда наступает полный этот самый? Правильно: кто виноват и что делать. И если со второй частью вопроса наличествовала полнейшая неясность, то следовало обозначить свою позицию хотя бы по первой. И Александр, повернувшись к Кисину, по возможности грозно осведомился:

— Ну что, доэкспериментировались, недоучки? Эх, жаль, завлаб рано сбежал, еще один, блин, физический гений. Ведь русским же языком говорил Сергей Гайкович, что это именно телепортация, а про нетрадиционный туннельный эффект речь шла только из соображений секретности.

— А... что... что случилось-то? — неуверенным голосом спросил только что пришедший в себя Кисин.

— Что? Да просто по вашей милости нас телепортировало в какую-то задницу. Как и куда теперь выбираться будем, не подскажете?

— Т-туда! — неуверенно ткнул пальцем в сторону двери Кисин.

– Тогда лезьте за мной. Да не сюда, провалитесь! Где вы там застряли? Держите руку, надежда отечественной физики. Ну и как вам поляна?

– Почему здесь паркет? – только и смог вымолвить пораженный Виктор Иванович, выбравшись из полужасыпанного подвала.

– Потому, что зона захвата явно представляет собой сферу диаметром метров пять, и это попавший в нее кусок пола первого этажа. Вообще-то над нами отдел кадров, так что это еще удачно получилось, что тут сейчас не валяются аккуратно отрезанные женские ножки. Видите четыре обрубка? Стулу не повезло, а его хозяйке, которой в момент переноса на нем не оказалось, наоборот.

– Вы говорите о переносе как о непреложном факте? – начал потихоньку приходить в себя Кисин. – Хотя да, лес кругом, а институт был на Ленинском...

– На редкость верно подмечено, – фыркнул Саша. – Кстати, нас явно швырнуло не только в пространстве, но и во времени.

– Почему вы так решили?

– Вы всегда такой тупой или это у вас просто сегодня обострение? Лето же вокруг!

– Ну нас, например, могло забросить в южное полушарие.

– Гляньте вот на эти цветочки. Скажете, что это не одуванчики? А вот это деревце не возьметесь идентифицировать?

– Береза...

– Правильно, только какая-то кривая и мелкая. Итак, у нас с утра было двадцать пятое февраля. В каком месте Южного полушария сейчас конец весны, ибо одуванчики цветут именно тогда? Да и травка кругом довольно молодая. И где в том полушарии растут березы?

– Э... разумно. Если мы только не на какой-то другой планете.

– Полностью идентичной Земле вплоть до наличия точно такой же Луны? Вон он, серп, полюбуйте. В общем, полезли обратно.

– Зачем?

– Да я не настаиваю, можете оставаться на свежем воздухе. Лес-то довольно дикий, и еще неизвестно, кто там обитает. Мало ли в какие времена нас закинуло. Хорошо, если тут только мамонты водятся, а если всякие пещерные львы с саблезубыми тиграми? Хотя вам, я думаю, и простого кабана вполне хватит.

Аргументы лаборанта показались Кисину достаточно убедительными, и он полез обратно в подвал.

– Значит, так, – озадачил его Александр, закончив рыться в ящиках верстака, – стоящая перед вами задача особой сложностью не отличается. Точило видите? Так крутите ручку, и поинтенсивнее, а я попробую сделать нормальный нож.

– Да что вы тут раскомандовались? – возмутился Кисин.

– Вы вроде как член партии? Тогда должны были слышать постулат «кто не работает – тот не ест». Что вы тут жрать собрались, не поделитесь планами? Одуванчики несъедобные, сразу предупреждаю. В общем, или вы прекращаете никчемное препирательство и делаете, что вам говорят, или я сделаю нож без вас, но тогда буду обедать, ужинать и так далее в одиночестве.

Изготовление ножа затянулось на два часа, к концу которых Кисин готов был бросить крутить проклятую ручку, несмотря на недвусмысленное предупреждение лаборанта. После чего тот со свежееизготовленным инструментом сходил наружу и вскоре вернулся, вырубив нечто наподобие рогатины. Прикрутив шурупами к ее раздвоенному концу кусок дюраля, Александр с этой импровизированной лопатой подошел к стене за установкой и начал перекидывать землю в центр подвала.

– Вы хотите расширить выход? – на всякий случай поинтересовался Кисин.

– А вы надеетесь на моих харчах так разжиреть, что перестанете пролезать в имеющийся? – разогнулся лаборант. – И, кстати, хорошо, что напомнили. Ваша очередь копать. Где-то примерно в полуметре дальше должен появиться край пожарного щита. Я прикинул, он вроде мог попасть в зону переноса, ну или хотя бы его часть. В общем, копайте, минут через пятнадцать я вас сменю.

Примерно через час телепортированные стали обладателями почти целого багра, лома, небольшого топора, лопаты и конусного ведра.

– Пойдемте наружу, – предложил Александр. – Значит, я сейчас схожу за обедом, а ваш объем работ – вот он. Потихоньку начинайте копать уже нормальной лопатой вот отсюда. Тут соседний подвал, причем самый его конец, где стол дяди Миши и вековые завалы его барахла. Там может оказаться много полезного, так что не ленитесь.

– А если звери? – неуверенно спросил Виктор Иванович.

– Отбиваясь лопатой, отступаете обратно в наш подвал. Я вернусь часа через два-три.

С этими словами лаборант взял ведро, но не конусное, а обычное, какие-то согнутые им из сталистой проволоки загогулины и бодрым шагом двинулся в ту сторону, где местность имела явный уклон.

Электронные часы Кисина не выдержали телепортации, так что время он мог определять только по собственным ощущениям. И примерно тогда, когда они уже говорили ему, что лаборанта нет как минимум полдня, тот появился, что-то весело насвистывая. В одной руке он нес ведро, причем явно не пустое, а в другой – несколько нанизанных на ветку небольших рыб.

– И это все, что вы накопили за целых два с половиной часа? – поинтересовался Саша. – Да, трудновато вам будет нормы-то в лагере выполнять, с такими навыками. При чем тут лагерь? Дело в том, что около озера я нашел разбитый самолет. И, судя по многим деталям, мы попали в Читинскую область, а время – начало тридцатых годов. Ну и где, по-вашему, кроме лагеря, вы можете оказаться, попав в столь интересные времена?

– Вы точно уверены, что тридцатые? – решил пока не обращать внимания на оскорбительные намеки Кисин. – И почему именно Читинская область?

Похоже, что этот Кобзев действительно антисоветчик, правильно про него говорили в комитете комсомола. И еще ходили слухи, что он фарцует не то джинсами, не то аппаратурой, а может, и вовсе валютой. Да, все это так, но вот только...

Виктор Иванович с сомнением оглядел мощную фигуру лаборанта. Вроде он служил в ВДВ... Да, здоровьем природа детинушку отнюдь не обидела, так что с ним надо поосторожней. И как, однако, быстро он освоился в этих совершенно фантастических обстоятельствах! Сам Кисин, несмотря на саднящие волдыри на руках, до сих пор не мог до конца поверить, что все происходящее ему не снится.

– Такой самолет не мог быть сделан раньше двадцать пятого года, уж настолько-то я историю авиации знаю, – объяснил тем временем лаборант. – Он похож на ранние модели Яковлева. Но у него трехцилиндровый мотор, то есть заграничный, у нас таких не делали, по крайней мере серийно. То есть если бы он был выпуска тридцатого года или позже, на нем бы уже стоял наш М-11. А лежит он там лет пять, сквозь него уже кое-где и деревца проросли. Кроме того, я нашел планшет с тем, что там осталось от карты. Немного, но все-таки Читу видно. В общем, план наших ближайших действий таков. Сейчас вы собираете хворост, я чищу рыбу. Потом я ее варю, а вы еще маленько копаете, там всего ничего осталось. После обеда я попробую собрать приемник, очень не помешает послушать, что тут у нас творится в эфире. Возражений нет? Тогда вперед, нас ждут великие дела.

Глава 2

Приемник, собранный лаборантом после обеда, представлял собой магнитофон «Весна» с почти полностью севшими батарейками, к которому снаружи были присобачены ферритовый стержень с обмоткой и конденсатором переменной емкости плюс два диода.

– Да, – кивнул Саша, – практически детекторный, только с магнитофоном в качестве звукового усилителя. Завтра попробуем все-таки откопать в дяди Мишином подвале сейф, там должны быть батареи, тогда можно будет собрать что-нибудь поприличней. А пока послушаем это, только я схожу, растяну антенну.

Быстро выяснилось, что местный эфир на средних волнах вовсе не забит станциями. Удалось на пределе чувствительности выловить только две, да и то слова почти не пробивались сквозь шумы. Но Александр малость удлинил антенну, подстроил контур, и передачи стали слышны чуть лучше. По крайней мере уже можно было попытаться понять, о чем идет речь. Правда, это оказалось не самой простой задачей, и не только из-за помех. Первая станция вещала:

– Вжжж... уииии... императорское величество... хр-р-р... Ярославской и Екатеринбургской губерний... у-уууу... вжжж...сказал государственный канцлер. У-у-ииии... вжжж... председательством господина Сталина. Хррр-р-р...

Дальше волна окончательно утонула в помехах. Вторую станцию было слышно еще хуже, и там только раз удалось разобрать что-то похожее на «радио Израиля».

– М-да, – мрачно резюмировал Саша, – задница, в которую нас закинуло по вашей милости, при ближайшем рассмотрении оказалась куда глубже, чем оно представлялось поначалу. Это явно не наше прошлое.

– Может, какая-нибудь радиопостановка?

– С господином Сталиным среди действующих лиц? Не делайте мне смешно. И откуда тут взялся Израиль, неужели мы на это убожество смогли поймать их станцию? Хотя она может быть и в Китае, например. В общем, на ближайшее время самой важной задачей объявляется создание приличного приемника. Значит, берите лопату и пошли копать, до темноты еще не меньше часа. Нам нужны батареи и прочее содержимое сейфа.

Через сорок минут интенсивной работы открылся лаз в соседний подвал. Чуть расширив его, Александр взял фонарь и скрылся внутри. Его не было довольно долго, но, когда солнце уже скрылось за лесом, он сначала выпихнул из лаза какой-то сверток, потом сумку и затем вылез сам.

– Судьба к нам милостива, – объявил он, – нашелся приемник дяди Миши, а это «Океан». Правда, он без батареек, а двести двадцать вольт остались в восемьдесят девятом году. Но я захватил «баски», тут нетрудно будет сделать отвод на девять вольт.

– Простите, что захватили?

– Сухие анодные батареи. Но не волнуйтесь, курочить их я вас не заставлю, сам как-нибудь. Э, да вас, я смотрю, просто качает. Ничего, бывает, это называется реакция. Так, давайте руку и полезли обратно к нам.

В своем подвале лаборант усадил Кисина, у которого действительно все уже плыло перед глазами, на стул, зажег две свечи и полез куда-то за верстак.

– Надеюсь, спирт вам разбавлять не надо? – спросил он, чем-то там шебурша. – Ну и ладушки, а то мало ли, я же не знаю, как там у вас в партбюро пьют.

После всех волнений сегодняшнего дня да плюс еще ста граммов спирта Кисина развезло почти мгновенно. Его хватило только на то, чтобы сделать два шага от стула до угла, где поверх куска поролона был постелен халат, и отрубиться.

Спал он без сновидений и проснулся от громкой музыки.

– С добрым утром, – приветствовал его лаборант и выключил приемник. – Спешу вас обрадовать, что все случившееся вчера вам не приснилось. И мы сейчас находимся не в Советском Союзе, а на земле Российской империи. Правда, какой тут сейчас год, не очень понятно, но это и не так важно. Потому как здесь совсем не такая империя, какая была у нас. Царем сидит какой-то Георгий Первый. Два года назад кончилась мировая война, где мы всем навалили. Правда, кому именно, кроме румын, я так и не понял. Судя по всему, в ближайших друзьях у здешней России немцы, японцы и какая-то Черногорская империя, которую один раз вскользь поименовали «крупнейшей». Кроме того, тут где-то неподалеку от Хабаровска есть государство Израиль, там столица Тель-Авив, а президента зовут госпожа Романова-Курильская, причем эту даму один раз обозвали «ее величеством». Ах да, имеется еще и государственный канцлер, распоряжения которого во избежание неких неназванных неприятностей надо выполнять без волокиты. Про господина Сталина пока ничего нового не сказали. Вот вкратце и все, что мне удалось узнать за полночи.

– Значит, тут не было революции...

– Да, мне тоже так показалось. Вставайте и полезли наверх, пить чай. Мне удалось добраться до дяди Мишиного ящика с рыболовными принадлежностями, так что после чая я собираюсь к озеру. Можете сходить со мной – посмотрите на тайгу, самолет, а потом посидите на бережку с удочкой, говорят, это способствует просветлению духа и очищению кармы.

– Значит, – объяснил по дороге к озеру и самолету Александр, – я исхожу из предположения, что мы находимся в пределах, обозначенных на найденной в самолете карте. Если мы в ее нижнем левом углу, то и до железной дороги, и до Читы километров двадцать. А если в правом верхнем, то до железки триста, а до Читы пятьсот. Причем последнее мне кажется более вероятным, потому как станция, которую мы вчера поймали на детекторный приемник, была именно читинской. А будь мы недалеко от города, прием был бы куда лучше. Так что к цивилизации я предполагаю выбираться только после хорошей подготовки, до холодов еще не меньше четырех месяцев. Впрочем, если вы собираетесь осесть в подвале, обещаю, что никому про вас не скажу. Потому как раз тут не было революции, то это, скорее всего, означает, что с коммунистами здешние власти поступили примерно так, как упомянутый Сталин с троцкистами и уклонистами.

– Нет, я с вами, – отвлекся от своих мыслей Кисин. Ибо как раз сейчас он тоже думал о дальнейших своих действиях. Почему здесь не было революции? Одно из двух – или не образовалась революционная ситуация, что маловероятно, потому как здешняя империя хоть и отличается от той, что была в нашей истории, но, скорее всего, не радикально, пережитки феодализма в виде сословного деления общества сохранились. А это означает, что исторические закономерности тут действуют те же самые. Или не было субъективного условия, при котором ситуация может только привести к революции, – наличия партии нового типа! А вот это уже вполне вероятно. Мало ли, вдруг здешней охранке удалось схватить Ленина или он даже погиб в пятом году? Кисин смутно помнил, что вождь, кажется, в это время был в России и даже подвергался какой-то нешуточной опасности. А это означает, что человек, вооруженный знанием закономерностей общественного развития и ясно видящий стоящие перед рабочим классом цели, может...

– Мы пришли, вон озеро, а вот самолет, – отвлек Виктора Ивановича от мыслей о грядущем голос лаборанта.

Если бы не это, то Кисин вполне мог бы пройти мимо, ничего не заметив. Просто среди деревьев, часть из которых проросла прямо сквозь дыры в фюзеляже, действительно просматривался маленький самолетик грязно-зеленого цвета со свернутым набок хвостовым оперением и всего одним крылом, да и оно было надломлено посередине.

– Остатки правого крыла вон там, метрах в пятидесяти, им самолет задел за дерево, – пояснил Александр.

– А где пилот?

– Судя по всему, увезли, и, что более вероятно, в живом состоянии. Вот, смотрите – это рукав кожаной куртки, причем он отрезан, а не отгрызен зверьем. Не думаю, что с трупа по частям срезали куртку, а вот с раненого вполне могли. Опять же за пассажирским сиденьем тут ниша, где явно что-то было, но его аккуратно вытащили. Судя по разьему, это, скорее всего, рация. То есть я думаю, что пилот еще до удара об землю успел что-то передать и помощь прилетела быстро. Пилота забрали, был ли тут пассажир – неясно, сняли рацию, а остальное бросили на месте за невозможностью вывезти. Кстати, там под фюзеляжем я, кажется, вижу вторую половину куртки, сейчас попробую до нее добраться.

Нырнув под самолет, лаборант вскоре вылез оттуда с какой-то неопределенного цвета тряпкой. Минут пять он внимательно изучал ее, потом взял нож, что-то на ней надрезал и вытащил небольшой плоский прямоугольник грязно-желтого цвета.

– Похоже, целлулоид, – буркнул он, поддевая ножом край прямоугольника. – И бумага внутри неплохо сохранилась. Кажется, это довольно мощный документ, полюбуйтесь.

Кисин взял небольшой листок хорошей плотной бумаги примерно с половину формата А4 размером и прочел:

Государственный комиссариат Российской империи

Сим удостоверяется, что податель сего выполняет секретное поручение Иркутского губернского управления ГК. Всем представителям местных властей предписывается оказывать ему любое находящееся в их компетенции содействие.

Директор ИГУ ГК А. Р. Неясов
Госкомиссар 1-го ранга Н.Н.Райнович
08. 05. 1908

Как и положено, документ заверялся отлично сохранившейся печатью с двуглавым орлом и надписью «Государственный комиссариат Российской империи» по кругу. Причем весь текст, что удивило Кисина, был написан по вполне современной орфографии, без всяких ятей и твердых знаков в конце слова.

– Что ценно, эта бумаженция на предъявителя, – заметил лаборант, убирая ее в карман, – хотя, конечно, дата... Выходит, что тут сейчас идет не то тринадцатый, не то четырнадцатый год. Да уж, если у тутошней России в восьмом году уже были такие самолеты, то понятно, что дела в ней давно идут не так, как шли у нас. Кажется, здесь еще что-то есть. Ого, деньги. И не так уж мало, если здешние цены хоть немного соответствуют бывшим в нашей царской России. Триста рублей. Деньги, кстати, очень похожи, точно такие же «катеньки» я видел у деда, он их сохранил еще с тех времен.

После чего Александр и деньги тоже убрал в карман, даже не подумав предложить хоть одну бумажку Кисину.

– Так, – сказал он, вставая, – давайте сюда ваш топор, там в носу есть еще какой-то металлический ящичек. И подержите фюзеляж, пока я его буду оттуда выковыривать.

Вскоре ящик был извлечен, и Александр, повозившись над ним минут пять, откинул крышку.

– Что-то вроде аварийного набора, – резюмировал лаборант, разворачивая завернутый в промасленную бумагу большой пистолет с черными звездами на рифленых накладках. – Хм, патроны как у ТТ... Ладно, разберемся. – С этими словами он сунул пистолет за пазуху,

а магазин – в карман. – Бинты пригодятся, – продолжил тем временем изучение содержимого ящичка Александр, – в пузырьках, вероятно, лекарства, но непонятно какие. Хм, неплохой ножик, даже, пожалуй, получше моего туристического. Ну а это вам, угощайтесь, от сердца отрываю. – Он протянул Кисину плитку с надписью «Горький шоколад. Кондитерская фабрика братьев Варшавер, Иркутск».

Да уж, где-то спустя полчаса думал Виктор Иванович, смотря на неподвижный поплавок, с попутчиком мне не повезло. Хотя, конечно, его решительность чем-то даже и импонирует, но, пожалуй, наши с ним пути должны разойтись. Но вот когда? Если сразу по достижении первого же города, например Читы, то что мне делать там одному, без знакомых и без денег? А даже если этот Кобзев и поделится, то все равно оно радикально ситуацию не изменит. С ним как-то спокойней, но уже сейчас ясно видно, что никакой роли, кроме как мальчика на побегушках, он для Кисина не мыслит.

– Ну и как улов? – раздался сзади голос лаборанта. – Что, за полчаса ни одной поклевки? Странно, у меня там рыбы аж дрались за право клонуть первой. Ну-ка... Ага, хоть тут рыба и голодная, но на пустой крючок все-таки клевать не хочет. Вы червя-то туда насаживали? Ах, не помните... Бывает. Я, кстати, тоже малость поразмыслил о наших дальнейших действиях. Разумеется, время обдумать их еще будет, но одно я могу сказать точно – бежать к местным властям с криком: «Радуйтесь, я явился к вам из будущего!» – меня совершенно не тянет. Если у вас есть такие планы, то сообщите о них мне, во избежание. Ну а если нет, то научитесь наконец по-человечески насаживать червя на крючок! Это делается вдоль, а не поперек, чтоб вы знали. И забрасывать нужно не у себя под носом, а хотя бы метра на три. Да чего же вы сидите как памятник Марксу, когда клюет! М-да... Ладно, похоже, мне лучше самому поймать еще с десяток здешних ратанов, которых нам пока не хватает до запланированного улова. По крайней мере тогда этот процесс не затянется на неделю.

Утром двадцать девятого июня тысяча девятьсот четырнадцатого года в числе многих подобных в секретариате государственного канцлера оказалась и такая бумага:

Шифр: Недохват

Отправитель: Читинский филиал 6-го отдела ОК

Настоящим доношу, что при проведении плановой проверки согласно распоряжению № 136 от 25.05.14 двое из отбывающих поездом Чита – Москва показали проверяющему уряднику Етоеву подозрительными. На просьбу предъявить документы младший из них показал письмо ИГУ ГК по форме 8, которые использовались только при подготовке экспедиций по изучению тунгусского взрыва. Согласно инструкции урядник сделал вид, что представленный документ его вполне устраивает.

Упомянутые лица едут в 4-м вагоне, 6-м купе. В 5-м вагоне для наблюдения отправлен наш агент «Август». В настоящее время выполняются фотороботы данных господ.

Приложения:

Словесные портреты вызвавших подозрение – 2 стр.

Выдержка из личного дела агента «Август» – 1 стр.

Зам. нач. ЧФ 6. ОК ротмистр П. Ф. Конецкий

А в час дня в Иркутский филиал Департамента охраны материнства и детства ушла следующая шифрограмма:

Срочно. Секретно.

Немедленно принять меры по установлению плотного наблюдения за двумя господами, едущими в 6-м купе 4-го вагона поезда номер 18 Чита – Москва. Агента шестерки «Август» от наблюдения освободить. В ближайшее время вам придут фотороботы подозреваемых из Читы. В Красноярске ваша бригада будет усилена специалистами из центрального управления ДОМа. Задержание подозреваемых разрешаю производить только в случае явной попытки выйти из-под наблюдения. Рапорты – на мое имя не реже раза в сутки.

Т. В. Князева

Вечером же состоялся телефонный звонок из кабинета государственного канцлера генерал-лейтенанту Алафузову: «Иван Илларионович, Найденов на связи. Поздравляю, ваши читинские сотрудники нам очень помогли. Да, это дело расследует Татьяна Викторовна. Кстати, обязательно наградите того урядника. Ну орден там или не орден, это вам виднее, но премию дайте не меньше пятисот рублей и заодно предоставьте ему внеочередной отпуск. И пусть господину уряднику намекнут, что если он вдруг соберется провести этот отпуск в Питере, но тамошние гостиницы ему чем-то не понравятся, то в Гатчинском дворце очень приличное обслуживание и там будут рады таким гостям».

Глава 3

В процессе прочтения бумаг из Читы я испытывал вполне законную гордость. Кажется, мне все же удалось создать такую систему, которая и без меня работает как положено! Несмотря на некоторые проколы. Ну потеряли бумагу-вездеход. Бывает, это же случилось перед самым тунгусским бабахом, причем тогда, насколько я помню, еще и целый дирижабль пропал, его еле нашли уже после взрыва. Вчера я проверил – ко мне доклад об этом пришел своевременно, но никакой особой реакции тогда не вызвал, потому как уже через две недели такие документы становились недействительными. Обошлись простым напоминанием об усилении бдительности по пунктам таким-то и таким-то. Зато теперь еще до официального распоряжения подняли архивы, отыскиали координаты места аварии, а приказ из Гатчины послужил лишь отмашкой для старта трех «Тузиков». Так что уже на второй день прочесывания местности был найден, как писалось в рапорте, «железобетонный бункер со следами неидентифицируемой катастрофы технического характера на внешних поверхностях». Далее старший поисковой группы принял самое правильное решение – сделал внешние фотографии со всех ракурсов, но внутрь не полез, а выставил охрану и запросил инструкций. В силу чего завтра с утра мне предстоял дальний полет, но не на Канары, с этим придется обождать, а в Читу и далее двести с небольшим километров на северо-восток.

– Считаешь, что это дело требует присутствия на месте целого канцлера, – задумчиво сказал мне Гоша за ужином. Это был не вопрос, а просто уточнение, ведь происшествие действительно имело исключительную важность.

– Не только канцлера, но и самого квалифицированного в империи технического специалиста по данной проблеме, а это опять-таки я. Так что никуда не денешься, лететь мне туда надо, и чем быстрее, тем лучше.

– А эти посланцы не пойми откуда, с ними что делать, уже решил?

– Да пусть себе едут потихоньку, они еще и до Казани не добрались. Танечкиных сотрудников в поезде вполне достаточно, вчера нашим гостям и вообще в купе прослушку поставили, так что никакого аврала на этом направлении я не вижу.

И вот спустя сутки с хвостиком я вылезал из «Пчелки» рядом с разбившимся шесть лет назад «Тузиком», а после двадцатиминутной прогулки по забайкальской природе стоял перед тем самым бункером.

То, что это результат обмена сферических кусков пространства радиусом около пяти метров, я увидел сразу. Блин, что-то это мне напоминало, то ли я про такое уже где-то слышал, то ли читал... Оба прохода внутрь, которые попаданцы перед уходом кое-как замаскировали, были уже расчищены, два сапера в полной готовности ждали отмашки.

– Давайте, – кивнул я им и присел на раскладной стульчик.

Через сорок минут мне доложили, что признаков минирования не обнаружено, и я, взяв еще один мощный фонарь в дополнение к имевшимся у саперов, полез внутрь. Передо мной предстал кусок подвала явно лабораторного вида, причем советских времен. А у левой стены стояла установка, сразу показавшаяся мне знакомой. Япона мать, да это на нее я лично устанавливал клистроны году где-то в восемьдесят шестом! По заказу... дай бог памяти... как же его там... да, доктора Арутюняна. Кажется, его звали Сергей, а вот отчества не помню. Точно, и блоки питания знакомые. На испытаниях я обнаружил, что смежники из института автоматики схалтурили, на предельной мощности где-то через полминуты работы блоки начинали возбуждаться. Но Сергей сказал, что наплевать, они все равно должны работать только короткими импульсами, режим постоянного излучения программой эксперимента вообще не предусмотрен, а времени на переделку нет. Потом, года через два, случился довольно известный скандал. Поначалу говорили, что по неизвестным причинам

исчезла часть лаборатории, причем это сопровождалось жертвами, потому как на месте нее оказался вакуум. Затем выяснилось, что в процессе катаклизма куда-то испарилось приличное количество редкоземельных металлов, но вскоре они непонятным образом конденсировались во Франции. Но тут развалился Союз, и расследование заглохло само собой, оставив у слышавших про него впечатление, что взрыв если и имел место, то являлся всего лишь прикрытием крупномасштабного воровства. А на самом деле, кажется, это все-таки были разные процессы.

Я взял лабораторный журнал. Последние записи датировались двадцать пятым февраля восемьдесят девятого года, и отметка об окончании эксперимента отсутствовала. Вот, значит, откуда сюда явились гости. Однако ничего так себе туннельный эффект получился у Сергея – не какую-то там частицу через запрещенный для нее энергетический уровень, а чуть ли не целую лабораторию туннелировало между мирами! Но только почему на месте исчезнувшего подвала получилась пустота? По идее там должен быть забайкальский грунт. Ладно, с этим как-нибудь потом разберемся.

Я вылез из подвала и, распорядившись продолжать охрану места катаклизма, направился к «Пчелке». В ближайшее же время следует вывезти отсюда все, что подверглось переносу, за исключением разве что стен и потолка самого подвала. Хотя пусть специалисты подумают, нельзя ли и их тоже, дирижабли, пожалуй, и такое поднимут. Кстати, а что дальше случилось с Арутюняном? Кажется, он пропал в девяностом году, во время бакинского погрома. Надо будет прикинуть, стоит ли пытаться это уточнить, и если да, то как. Оно, конечно, хорошо, что перенос получился случайно, но это также и означает, что данная случайность нуждается в тщательных исследованиях. Из чего вытекает: жизни и здоровье наших гостей приобретают дополнительную ценность. Впрочем, их и так охраняют со всем старанием.

Прибыв в Москву, невольные путешественники между мирами сняли небольшую двухкомнатную квартиру в доходном доме на Якиманке. Вообще-то деньги у них уже кончались, несмотря на то что за время путешествия удалось слегка поправить финансовое положение. Едущая в соседнем купе пожилая супружеская пара оказалась большими любителями преферанса, а у Кисина все же нашлось хоть что-то, что он мог делать сколько-нибудь терпимо, вот он сошел за партнера. В общем, Александр быстро выиграл у супругов четырехста рублей, потом, правда, проиграл им обратно двести двадцать. Но зато теперь у гостей были не только деньги, но еще хоть и шапочные, а все же знакомые в здешней Москве. Саше было даже жаль мухлевать со столь приятными в общении людьми, но что поделаешь... Правда, он не знал, что Никодим Петрович, так звали супруга, в общем сохранил самые приятные впечатления от игры, что он и отразил в рапорте. Несмотря на то что он являлся специалистом с более чем двадцатилетним стажем, один из приемов Сашиного жульничества показался ему достойным внимания. Да, разумеется, исполнен он был на редкость дубово, но сама идея пришлась Никодиму Петровичу по душе как интересная и пригодная для дальнейшей разработки. А вообще, глядя на неуклюжую игру лаборанта, он с ностальгией вспоминал свою далекую молодость, и его рапорт Татьяне Викторовне завершался словами о том, что у молодого человека есть определенный потенциал.

Кроме поправки своего финансового положения в поезде путешественники изучали приобретенную в станционных киосках прессу этого мира. Обзорную информацию они почерпнули из майского номера «Нивы», купленного в Иркутске. Так как недавно у здешнего царя был день рождения, то первые десять страниц посвящались этому событию.

Царь как царь, думал Александр, разглядывая цветные фото, чем-то даже похож на Николая, если того побрить. А это еще что? На четвертом снимке был изображен бородатый мужик в эсэсовской форме, зеркальных очках и со здоровенным, чуть ли не с рысь,

рыжим котом у ног. Государственный канцлер? Охренеть и не встать. И в газетах, кажется, попадались подобные иллюстрации? Ну-ка, ну-ка...

– Значит, дорогой Виктор Иванович, – пояснил он своему спутнику по завершении обзора прессы, – если вам навстречу вдруг попадется гестаповец, не нужно в панике орать «Хайль Гитлер». Это здесь так одеваются комиссары во главе со своим канцлером.

– А кто они вообще такие и чем занимаются, вы не поняли?

– На основе имеющейся у меня информации я могу сказать только то, что их задачей является надзор за исполнением предписаний центральной власти. То есть если, как в песне, кто-то кое-где у них порой честно жить не хочет, то туда приезжает комиссар и учиняет такое, что уцелевшие, вылечившись от заикания, на несколько лет вперед приобретают мощный заряд трудолюбия и бескорыстия.

– Выходит, у них тут сейчас разгул реакции, – вздохнул Кисин.

– Ага, только довольно своеобразной. Вот, например, полюбуйтесь. – С этими словами лаборант протянул Виктору Ивановичу газету «Труд». Под названием сообщалось, что это орган ЦК объединенных профсоюзов Российской империи.

– Кстати, там на третьей странице они даже и по канцлеру немножко прошлись. Где? Да вот, смотрите: «И хотя мы отлично понимаем возмущение государственного канцлера при виде столь вопиющих нарушений норм техники безопасности, нам все же кажется, что он мог высказать его и в несколько более цензурных выражениях».

– Это значит только то, что здешние правящие круги как-то смогли подчинить себе профсоюзное движение.

– Как-то? Да небось как у нас. Хотя не совсем, наших как ни обматери, они только утрутся. Ладно, не надо тут среди меня проводить агитацию, лучше вот это почитайте. «В небе Атлантики» – воспоминания летчиков второй АУГ в художественной обработке Алексея Толстого. Даже если тут всего на треть правды, то все равно повоевали они здесь очень лихо.

А потом в соседнем купе появилась та самая супружеская пара. Причем супруги оказались столь любезны, что рассказали провинциалам, где лучше снять квартиру и как это вообще делается в Москве.

Так что вопрос с жильем решился несколько проще, чем это представлял себе Саша. Теперь предстояло определиться с работой, из-за чего он сегодня и проехал до конечной остановки на трамвае-тройке. Она называлась «Нескучный сад», и по правую сторону Калужского шоссе именно он и находился. А слева был большой завод, до недавнего времени принадлежавший братьям Бромлей, а ныне просто Первый московский станкостроительный. Саша знал это предприятие, в его мире оно называлось «Красный пролетарий», или по-простому «Кырпыр». Вот он и решил посмотреть, как тут выглядит ситуация на рынке труда. Чего больше, спроса или предложения, кого куда берут и какие документы для этого нужны.

Часа через три, получив кое-какие сведения, лаборант двинулся к трамвайной остановке, и тут его внимание привлекла идущая впереди девушка. Она несла сумку, причем, судя по всему, довольно тяжелую. Вот девушка остановилась и со вздохом поставила свою ношу на землю. А она очень даже ничего, подумал Александр и, подойдя, предложил:

– Разрешите, я вам помогу? А то просто сил нет смотреть, как такая красавица мучается.

– Ох, конечно, я буду так вам благодарна! Вы, наверное, из столицы? Одеты-то как модно и обращение какое галантное. Ах из Читы? Никогда не была, наверное, хороший город. А тут хоть помри прямо посреди улицы, никто и не повернется! Все прямо как мой инженер Каганович, у которого я в услужении.

М-да, подумал Саша, беря сумку. Вас бы в социализм! А то уже и шесть-семь килограммов весом считают, посмотрели бы, по сколько зараз тетки из какого-нибудь райпо тащат, когда там дефицит дают.

– Нам вон в тот дом, видите? До него можно и на трамвае доехать, но зачем же туда лезть ради одной остановки. Вот сдам ему продукты, и пусть эта метростроевская морда ими подавится! Предпоследний день у него, жадюги, работаю. Ой, спасибо, вы так мне помогли, что я и выразить не могу. Почему метростроевская? Да он же на строительстве метро работает. Как, вы не знали? В Москве уже полтора года метрополитен строится! И будет он не как в каком-нибудь Лондоне, а гораздо лучше. Примерно через год обещают поезда пустить. Слушайте, а давайте я вас чаем напою? С черничным вареньем. Тогда подождите, я сейчас быстренько отнесу эту сумку, а живем мы с подругой чуть подальше, у самой Калужской площади. Господи, я же даже не спросила, звать-то вас как. Саша? И я тоже Саша, надо же, какое совпадение. В общем, подождите, я быстро.

Жила Саша со своей подругой Мариной на последнем, пятом этаже большого дома за маленькой церквушкой, которую, как помнил Александр, взорвали где-то в конце семидесятых. Год назад они приехали в Москву из Курска, ну и уже маленько обжились тут за это время. Марина работала в недавно открытой гостинице «Октябрьская», а вскоре туда должны были взять и Александру. Квартира у девушек была даже чуть меньше, чем снимаемая Кобзевым и Кисиним, но зато трехкомнатная. А кроме того, тут имелся и такой явный признак зажиточности, как магнитофон.

– Мы на него полгода копили! – гордо объявила Саша. – Хотите, поставим вам Шаляпина? Такой записи ни у кого нет, это он неделю назад пел в «Октябрьской», а Марина смогла записать. И еще у нас есть пленка, где Северянин читает свои гавайские стихи, он тоже там останавливался весной, проездом в отпуск.

Однако с Шаляпиным поначалу получился небольшой конфуз. Вместо музыки магнитофон забубнил что-то невнятное.

– Еще позавчера нормально играл, – растерянно сказала Марина.

– А ну-ка, девушки, дайте я посмотрю, – предложил Саша. Да, подумал он, это вам не наша история. Магнитофон вроде советского «Тембра» в четырнадцатом году! Хотя чему тут удивляться после авианосцев и самолетов, по картинкам и описаниям вполне соответствующих началу Второй мировой, если не ее середине. А вот трамваи почему-то почти как у нас в те времена. Но пленка тут суровая. Похоже, ацетатная, причем больше смахивает не на тип шесть, а вообще на тип два или даже один. Это же натуральная смерть головке. Хотя, может, ее еще не запилило, а просто загадило?

– Не найдется у вас спички, ватки и пары капель спирта? – спросил он у девушек. – И немножко машинного масла не помешает, хотя откуда оно тут...

– Которым «Зингер» смазывают, подойдет? – спросила Марина.

К счастью, головка оказалась всего лишь засорена, и через пятнадцать минут лаборант, почистив и смазав механизм, сам включил воспроизведение. Теперь из магнитофона послышалось настоящее пение Шаляпина.

– Да вы просто волшебник! – восхищенно всплеснула руками Саша. – Это надо отметить, вот и Марина тоже так думает.

Действительно, та уже доставала из шкафа бутылку кагора и бокалы.

В результате Александр явился домой около часу ночи. А через день он сообщил Кисину, что без документов человеку с улицы тут можно устроиться только катать тачку в метрострой или подсобным рабочим в литейку первого станкостроительного. Но у него, Кобзева, получилось пролезть в электрики гостиницы «Октябрьская». А кроме того, появились и знакомые, которые, возможно, смогут помочь с документами. Паспорта тут еще

не у всех, так что для начала хватит машинописной справки от управы с предыдущего места жительства.

Глава 4

После того как наши гости благополучно прибыли в Москву и осели на приготовленной для них квартире, я все-таки слетал на недельку к своим канарским кошкам и помидорам. Операцию прикрытия, которая проводилась параллельно с «Недохватом» и должна была показать имеющимся (а вдруг? чем черт не шутит) кротам в наших спецслужбах, что пресекается какая-то утечка важной информации со спецобъекта под Читой, доведут до конца и без меня. Я же просто отбыл на дачу с несколько большей помпой, чем обычно, каковая по идее должна была навести интересующихся на мысли, что на самом деле я улетел куда-то совсем в другое место. В верховья Подкаменной Тунгуски, например, с целью опять что-нибудь там взорвать, причем похлеще, чем это было в восьмом году.

Вернувшись в Питер, я с удивлением услышал от величества, что ему, Гоше, было бы интересно взглянуть на Кисина.

– Это ведь один из тех самых легендарных партаппаратчиков, про которых ты периодически вспоминаешь все пятнадцать лет своего здешнего существования! – пояснил император. – Тебя послушать, так это такие звери, что Союз развалили на счет раз, а ведь держава была вроде даже и покрепче Российской империи на момент, когда мы за нее взялись.

– У меня тебе что, зоопарк? – вполне резонно возразил я. – Никонов скоро в очередной раз явится, вот и любуйся на него сколько хочешь, он из той же среды произошел.

– Это когда было, а сейчас он простой эрэфовский чиновник. Кстати, Кисин еще не начал искать единомышленников в Москве? И на работу-то он куда-нибудь устроился?

– А как же, в метрострой, учетчиком, работягам галочки ставит. Единомышленников тоже помаленьку ищет, но какой-то он в этом отношении привередливый. Вынь да положь большевиков, а где я их ему возьму в Москве? У меня там только правые эсеры и анархисты-кропоткинцы. Ну ничего, на рождество в метрострое будут недельные каникулы, пусть съездит в Питер, Зиновьев свою зарплату не зря получает, так что тут есть самые настоящие большевики.

– Не боишься, что он их и в Москве найдет?

– Наоборот, премию дам, если у него такое получится. Но пока что-то непохоже, и вообще это довольно неинтересный тип. А вот лаборант мне нравится, и с головой, и с руками у парня все в порядке.

– Ладно, а в отношении главного у тебя хоть что-нибудь прояснилось? Я имею в виду, как это у них вышло прыгнуть из восьмидесят девятого года твоего мира в наш четырнадцатый. Это при том, что там сейчас две тысячи десятый и времена миров связаны совершенно однозначно. Не зря же ты с собой лабораторные журналы брал?

– Ну кой-какие мыслишки у меня действительно имеются. В экспериментах проявилась интересная вещь, которую Арутюнян посчитал ошибкой измерений. Исчезнув из магнитной ловушки, частица появлялась в приемной камере не сразу, а спустя некоторое время. Полторы микросекунды для электрона и шесть с небольшим для альфа-частицы. Я не понял, почему это показалось Сергею невозможным, все-таки не ядерный физик, но вот в измерительной аппаратуре я разбираюсь, и там так ошибаться просто нечему. Поэтому я предположил, что имеется промежуточный финиш, и время задержки как раз показывает расстояние до него в световых микросекундах. И чем тяжелее переносимый объект, тем дальше точка промежуточного финиша. Если это так, то для лаборатории эта точка находилась в десяти с половиной световых годах от Земли. И перемещение туда было мгновенным только с точки зрения объекта, а для постороннего наблюдателя оно заняло десять с половиной лет. Кстати, в этом случае понятно, почему на месте исчезнувшего подвала в институте образовалось не сто тонн забайкальского грунта, а вакуум.

– Значит, если ты прав, то, даже воспроизведи сейчас в том мире эту технологию, к нам они попадут только через двадцать лет после старта, да и то по их времени? Прямо камень с души, честное слово.

– Пока это еще только предположение, но вообще-то я уже заказал Никонову клистроны на замену сторевающим. Не волнуйся, там в заказе еще до фиго всякого, так что вряд ли это натолкнет их на ненужные мысли. Ну а нам пора сажать на данную тему серьезных ученых. Капицу и, пожалуй, Френкеля – они оба хоть и молодые, да ранние. Кроме того, мы с Танечкой уже начали вчерне прикидывать, как бы нам понезаметнее прояснить судьбу Арутюняна.

– О нем же твои пришельцы могут что-то знать, – заметил император, – да и вообще, раз уже точно выяснилось, что они тут случайно, зачем продолжать их тайную разработку? Вежливо приглашаешь к себе в Гатчину и задаешь все интересующие тебя вопросы.

– Ага, еще бы знать какие. Вот простой пример: если бы мы их взяли сразу, то могли бы посчитать старшим в этой команде Кисина. Лаборанта, я думаю, такое весьма повеселило бы. В общем, я, во-первых, хочу повнимательнее присмотреться, что это за люди. А во-вторых, по крайней мере в отношении Кобзева, у меня есть надежда, что он сам придет к выводу не только о возможности, но и о желательности контактов со здешней властью, то есть с нами. Причем по велению души, а не потому, что иначе дядя Жора устроит ему большую бяку. Ну а Кисин... Хрен с ним, пусть тоже погуляет за компанию, может, и удастся со временем пристроить его к чему-нибудь полезному.

Уже после чая, когда наш очередной ужин с императором подходил к концу, он поинтересовался:

– Кстати, давно хотел спросить. Как ты выбрал из кучи рапортов про всякие странности именно этот, о наших попаданцах? Ведь у тебя подобных бумаг было не меньше сотни.

– Даже чуть больше, – кивнул я, – и это только те, что мои референты посчитали достойными внимания. А получилось все благодаря тому уряднику. Он сумел несколькими словами довольно точно описать куртку Кобзева. Да, она была весьма похожа на наши летные, но все же имела существенные отличия. Главное из них – это нарукавные карманы с молниями. Ни на одной нашей модели такого никогда не было, да и вообще здесь карманы на рукавах пока еще не в моде. Ну а результаты первых же суток наблюдения полностью подтвердили мои подозрения. Кроме того, сработала свободная графа в форме рапорта, про которую жаловались, по-моему, даже тебе.

Эта графа являлась результатом моих раздумий о плюсах и минусах бюрократизации работы полиции, жандармерии и спецслужб. И главным минусом я посчитал то, что в случае, если докладчику что-то всего лишь показалось, то в рапорт, составленный по обычной форме, это вряд ли попадет. И в результате на бланках появилась свободная графа, где агент мог записать что угодно, не объясняя, почему он счел нужным включить в свой рапорт именно это. Более того, во всех должностных инструкциях был прописан строжайший запрет на преследование за что-либо написанное в этой графе, пусть даже и матерная ругань в адрес канцлера, не говоря уж о непосредственном начальнике. И свободная графа урядниковского рапорта содержала категоричное утверждение: «Вот ей-ей, не наши люди!»

Да, лето уже кончается, подумал Александр, ранним августовским утром выходя из дома и направляясь вверх по Якиманке. Теперь, пожалуй, его вряд ли кто-нибудь сразу назвал бы «не нашим человеком». Куртка с нарукавными карманами на молниях осталась дома, она только для особо торжественных случаев, как и джинсы, которые, как ни странно, встречались и в этом мире. Сейчас Александр был одет как обычный московский клерк средней руки: неброский бежевый костюм, серая шляпа, легкий плащ и штиблеты от братьев Розенбаум, чей магазин находился совсем рядом, на Полянке.

Дойдя до «зебры», лаборант пересек улицу и вскоре был у одного из служебных входов гостиницы «Октябрьская».

В новую для себя обстановку он вписался быстро. Надо сказать, что мать Александра работала администратором в гостинице «Южная», так что какое-то представление об этом роде человеческой деятельности он имел. Кстати, когда Саша впервые прочитал роман Хейли «Отель», он был поражен полнейшим несовпадением прочитанного с увиденным на работе у матери. Нет, «Южная» была ничуть не менее сложным организмом, чем «Сент-Грегори», но живущим совершенно по другим законам. Однако «Октябрьская», как это ни странно, имела черты обеих гостиниц, хотя при внимательном взгляде все же оказывалась более похожей на описанную Хейли, чем на ту, где работала мать. И если полтора месяца назад стажер Кобзев получал тридцать два рубля в месяц, что в общем-то было и не так уж мало, то с позавчерашнего дня он стал старшим электриком с окладом в девяносто пять. Кроме того, он обслуживал все двенадцать гостиничных магнитофонов, которые оказались хоть и простыми, но довольно капризными устройствами, и имел за это еще четвертной в добавление к окладу. В ближайшее время в гостинице ожидалось появление телевизоров, что, как небезосновательно считал Саша, дополнительно повысит его благосостояние настолько, что можно будет всерьез подумать о покупке автомобиля. А вот товарищ Кисин, похоже, долго еще останется учетчиком на двадцати пяти рублях.

Впрочем, напомнил себе лаборант, есть ведь и чем дальше, тем более очевидные странности, в свете которых вообще неизвестно, будет ли ему завтра до телевизоров. И до автомобилей, кстати, тоже.

Когда он в первый раз услышал от девушек название гостиницы, то подумал, что оно какое-то несколько странное для империи, в которой отродясь не было никаких Октябрьских революций. Но Марина объяснила – ее так называли потому, что она была торжественно сдана в эксплуатацию в октябре прошлого года. Ну предположим, совпадение. А вот то, что она стоит точно на том месте, где в Сашином мире расположена станция метро «Октябрьская-радиальная», это как? Опять же мундиры их канцлера и его комиссаров тоже наводят на определенные мысли. Но окончательно Саша уверился в своих предположениях, случайно наткнувшись на небольшую статейку о тунгусском феномене, а потом, перечитав вообще все, что смог про это найти. Не может быть никаких сомнений – высшее руководство империи совершенно точно знало и дату, и место падения метеорита! И так тонко воспользовалось своим знанием, что до сих пор иногда вспыхивали дискуссии на тему: какое смертоносное оружие там испытывал канцлер Найденов. То есть получается, что здесь кто-то умеет как минимум смотреть в будущее, а может, и телепортироваться туда, вроде как они с Кисиним в прошлое. Правда, не в свое, но все же.

Кроме того, присмотревшись к взаимоотношениям между служащими гостиницы, Александр понял, что они ему напоминают. Дисциплина тут не походила на ту, что Саша видел в «Южной», где работала мать, а гораздо более напоминала армейскую. И чтобы в такую организацию взяли на работу человека с улицы, да еще и без документов, пусть он сколько угодно хорошо разбирается в магнитофонах... Не бывает. А это значит, что его знакомство с Александрой и Мариной вполне могло быть подстроено, как и прием на работу. Но спектакль такого масштаба заставляет предположить, что тут работает государственная спецслужба. И она как минимум подозревает, откуда на самом деле явились Кисин с Кобзевым, а возможно, даже знает это точно. Что весьма неприятно, потому как в этом случае, скорее всего, придется коротать остаток дней в какой-нибудь намертво закрытой шараге, и степень комфортности жизни там будет зависеть от того, насколько Саша окажется полезен хозяевам этого мира.

Но стоп, осенило лаборанта, а почему мы тогда до сих пор гуляем на свободе? Либо все мои предположения – это плод паранойи, а на самом деле все обстоит именно так, как оно

кажется. Тогда, если задать той же Марине несколько странный вопрос, она удивится. Ну и что, подумаешь, слегка удивился чему-то дежурный администратор одной из московских гостиниц... Переживаемо.

Либо нас не берут оттого, что до сих пор чего-то ждут. А чего они могут ждать? Например, предложений о сотрудничестве! Или просто готовности к нему.

Да, решил лаборант, зайду к Марине прямо сейчас, пока решимость не улетучилась, а то с ней иногда такое бывает.

Так что Саша, пройдя в холл, отправился не в свой полуподвал, а поднялся на второй этаж, где сейчас должна была дежурить Марина. Действительно, она сидела за своим столом дежурного по этажу и с интересом посмотрела на лаборанта.

– Доброе утро, Саша, у вас что-то случилось? – приветствовала она его.

– Ну можно и так сказать. Дело в том, что мне вдруг почему-то очень захотелось пообщаться с вашим начальством. Я имею в виду настоящее, а не Елену Львовну.

– Это вы зря, госпожа Комарова и есть мое самое настоящее начальство, ведь старший администратор – это должность, а звание у нее старший ликтор, – улыбнулась Марина. – Но если вы хотите, я могу доложить о вашем желании на самый верх. И что вы на меня с таким удивлением смотрите – я в чем-то не оправдала ваших ожиданий? Тогда уж объясните, в чем именно. Я должна была сделать круглые глаза и пролепетать: «Да что же это вы говорите, я не такая»? Или с воплем «Ах, как давно мы все ждали этого момента» броситься вам на шею?

– Нет, – рассмеялся Саша, – это я просто немножко растерялся. Конечно, доложите, буду вам очень благодарен.

Марина сняла трубку своего телефона и что-то скороговоркой произнесла – кажется, просто набор цифр.

– Все, – пояснила она, – я думаю, что в ближайшее время с вами свяжутся.

До обеда Саша просидел в своей каморке как на иголках, но им никто не интересовался, даже вызовов не было. Однако когда он уже собирался пойти в столовую для персонала, раздался звонок от диспетчера:

– Господин Кобзев, зайдите, пожалуйста, в триста десятый люкс, там у гостя что-то с магнитофоном.

Интересно, подумал Саша, это действительно простой вызов или неведомое высокое начальство уже прореагировало? И, зайдя в гостиную, куда его проводил тут же исчезнувший коридорный, понял – да. Ибо там действительно стоял магнитофон, но не здешний похожий на «Тембр» уродец, а настоящий «Акай», точно такой же, как тот, который Саша начал ремонтировать незадолго до своей телепортации. А присмотревшись, Кобзев понял, что это просто тот же самый. Только он уже был собран, отремонтирован и негромко играл что-то из «Пинк Флойда».

– Ну, молодой человек, давайте познакомимся, кажется, уже пора. – С этими словами в гостиную вошел вроде бы смутно знакомый Саше господин лет пятидесяти на вид. – Меня зовут Георгий Андреевич Найденов, а ваше имя мне, как вы уже наверняка догадались, давно известно.

Саша в некотором обалдении пригляделся к гостю. Точно, канцлер, только не в черном мундире под Штирлица, а в джинсах и водолазке, и очки не зеркальные. Зато кот имелся и здесь. Правда, не рыжий великан, как на журнальной фотографии, а весьма мелкий, неопределенного цвета, почти без шерсти и с огромными для такого маленького существа ушами. В данный момент он путался под ногами у канцлера, время от времени недовольно взмывавая.

– Садитесь, что ли, – предложил Найденов, – вам скоро принесут обед, а я только что из-за стола, так что обойдусь чаем. – С этими словами он первым сел за стол, и мелкий кошок тут же запрыгнул ему на колени.

– Это что же, я настолько важная фигура, что ради меня из Питера сюда прилетает второе лицо в государстве? – поинтересовался лаборант, осторожно присаживаясь на край стула.

Кот на коленях у Найденова возмущенно мяукнул.

– Молодой человек, от мании величия очень хорошо помогает слабительное в лошадиных дозах, – усмехнулся канцлер. – Могу распорядиться, принесут вместе с обедом. Вам его в первое, второе или десерт? А насчет меня – просто я в этом году из-за вас не смог толком отгулять свой отпуск на даче. Ну и на выходные вырвался к семье, у меня тут в Нескучном саду дом, и жена с детьми сейчас там. Ехать здесь всего ничего, так что, услышав про ваше желание пообщаться с кем-нибудь из начальства, я и двинул сюда. Тем более мне супруга все уши прожужжала о том, что раз уж я на отдыхе, то должен свято блюсти послеобеденный сон. Вот я и сбежал. И давайте начнем нашу беседу несколько необычно. Сейчас я расскажу вам, что случилось в вашем мире за двадцать лет, прошедших там со времени исчезновения подвала с установкой. Итак...

Глава 5

Надо сказать, что лаборант все же смог меня удивить. Услышав мое вступление, он предложил:

– А не сделать ли нам наоборот? То есть сначала я изложу вам, как мне представляется дальнейшее развитие событий. Вы-то это уже знаете, а я пока нет, и мне просто интересно, насколько и в какую сторону я заврюсь в своих прогнозах.

Рекс повернулся ко мне и торжествующе фыркнул: мол, а я тебе о чем сразу промяукал? Нормальный парень!

Александр тем временем начал:

– Значит, на момент нашего отбытия обстановка в стране представлялась мне такой. Народ в большинстве своем просто ждал перемен, считая, что они всяко будут к лучшему, ибо хуже, чем сейчас, жить все равно нельзя. Но, по-моему, тут он проявлял неумеренный пессимизм и неверие в возможности человеческого разума. Можно жить хуже, еще как можно! И в самое ближайшее время ему предстояло в этом убедиться.

Тут моему гостю принесли обед, но он решил не отвлекаться и продолжил:

– Поначалу партноменклатура просто брала все, что плохо лежит, и загоняла за рубеж. Но хоть в Союзе плохо лежащее имелось в невероятных количествах, оно должно было скоро кончиться, потому как желающих тоже хватало и, главное, их число постоянно росло. В конце концов те, кому элементарно не хватило, при поддержке незначительной части упертых идейных коммунистов могли попробовать устроить реставрацию. Если такая попытка и была, то она, вероятно, кончилась неудачей, ибо в подковерных играх эта группа наверняка была слабее перестройщиков, а народной поддержки у нее быть не могло. Потому как никакой идеологии, кроме возврата в самый застой развитого социализма, никто придумать не удосужился. Наконец, это противоречило интересам номенклатуры национальных республик, которая тоже хотела свой кусок пирога.

– Да, – с интересом глядя на лаборанта, подтвердил я. – Такая попытка была, и кончилась она именно провалом, после которого Союз развалился на пятнадцать республик. А что, по-вашему, было дальше?

– Украл и загнав все, что плохо лежало, перестройщики обязаны были задуматься о том, как прибрать к рукам все остальное. Значит, должны быть сняты все ограничения на частную собственность, потому как они мешали дальнейшему растаскиванию страны. Например, лучшую часть оборудования с завода можно оприходовать и в рамках кооператива, но ведь сам-то завод останется! Ну а дальше должна была дойти очередь и до природных ресурсов. А чтобы народ со своими накопленными за жизнь деньгами не путался под ногами у серьезных людей, эти деньги следовало обесценить. Реформу какую-нибудь провести, или, еще лучше, сразу поднять все зарплаты раз в пятьдесят, а вслед за этим цены – в сто. И выдать каждому бесплатно по две бутылки водки, во избежание проявлений недовольства.

– Правильно, – согласился я, – все почти так и было. Только сначала подняли не зарплаты, а цены, и не в сто раз, а в тысячу с лишним. Потом помаленьку начали подтягивать и зарплаты, но с куда меньшим энтузиазмом. И по две бутылки выдали не просто так, а обозвав этот процесс ваучеризацией и даже наспех сочинив теорию, что это есть путь к невиданному доселе процветанию.

– Выходит, я малость уменьшил размах, наглость и жадность перестройщиков, но на выводах и дальнейших прогнозах это все равно не отразится. Итак, деньги обесценены. Значит, теперь можно разрешать выкупать предприятия по балансовой стоимости в рублях, которая наверняка осталась строго неизменной с застойных времен.

– А вот здесь вы немножко недооценили потенциал реформаторов. Несмотря на то, что в обесценившихся рублях балансовая стоимость предприятий представляла собой смешотворно малые суммы, их и то всякими махинациями уменьшали в разы, а бывало и в десятки раз. Но, разумеется, все хоть сколько-нибудь ценное доставалось нужным людям, несмотря на периодически устраиваемые комедии с якобы конкурсами.

– Это понятно, – хмыкнул Саша. – Но теперь я подобрался к развилке. Дальнейшее развитие страны могло идти по двум путям, и у меня просто нет информации, чтобы выбрать из них реальный. Итак, первый путь: продолжение той же политики – все продать и сдернуть на Запад. Ее логическим завершением должна была стать продажа самой страны, причем лучше по частям. Но тут есть одна тонкость: на том самом Западе наши скоробогачи в элиту бы все рано не попали – кому они там нужны? Высший слой среднего класса – это их максимум. Кроме того, многим могло показаться мало безбедной жизни на награбленные миллионы. А спесью перед кем надуваться? Унижать кого, чтобы полнее чувствовать собственную значимость? В Европе и в Штатах с этим не очень. То есть наверняка появились желающие устроить для себя подходящую жизнь в России, причем их интересы вступили в вопиющее противоречие с устремлениями первой группы, и кто в конце концов победил, сказать не берусь.

– Вторые, избравшие другой путь, – откинулся на спинку стула я.

– Раз так, то продажа всего и вся за бесценно быстро прекратилась, потому что этим нужно было сравнительно сильное государство. Несогласных от власти отстранили, причем, как я думаю, некоторых достаточно жестко. И начали строить государство под себя, где они – соль земли и вообще хозяева всего, а население есть люди второго или третьего сорта. Причем это население должно знать свое место. Как в фильме «Кин-дза-дза» – увидел кого с желтой мигалкой, тут же с должным смирением говори «ку» и кланяйся в пояс. Но вот насколько далеко удалось продвинуться в создании такого государства, я судить не берусь.

– По-моему, достаточно далеко, как минимум наполовину задача уже решена. Только мигалки не желтые, а синие. Их обладателям, правда, кланяться еще не строго обязательно, но до этого уже недалеко. Зато, например, если машина с этой мигалкой, нарушив все на свете, вылетит на встречу и вмажется в стоящий с соблюдением всех правил автомобиль простого гражданина, то виноват, естественно, будет именно гражданин, и это уже никого не удивляет. Однако хоть и редко, но случается такое, что казавшийся простым гражданин тоже может оказаться очень непросто. Тогда начинается цирк, вся страна с большим интересом следит за развитием событий: кто в конце концов пересилит и уроет оппонента? Потому как кто бы ни победил, проигравший все равно из них, элиты, а значит, чем хуже будет хоть одному из «хозяев жизни», тем приятнее смотреть на это народу.

– Да, – почесал затылок Саша, – неприглядная картина. Но ведь для существования такой власти нужна какая-то опора. Средний класс, причем довольно многочисленный и целиком обязанный своим безбедным существованием этой самой власти.

– Разумеется, он есть, и в немалых количествах. Чуть ли не треть Москвы сидит в построенных турками и таджиками офисах, подсчитывая на китайских компьютерах чьи-то прибыли от продажи российской нефти и газа или занимаясь чем-нибудь еще менее созидательным. А за свою лояльность эта прослойка имеет сравнительно дешевые кредиты на автомобили и жилье. Ну а что некоторых из них за недостаточную почтительность к власти имущим последнее время понемножку начали избивать прямо на улицах, это, конечно, неприятно. Но не более того, ибо каждый в глубине души считает, что он – это не всякие там некоторые, и всегда сможет избежать подобного. Кстати, у вас обед скоро совсем остынет. Я, конечно, понимаю, что затронутая тема вам очень интересна, но ведь все равно ни за полчаса, ни за час ее не исчерпать. Поэтому ешьте, а потом съездим ко мне

в гости, там я смогу не только продолжить свой рассказ, но показать весьма интересные иллюстрации к нему.

Пока Кобзев расправлялся с супом, я помаленьку предавался недостойному для настоящего канцлера великой империи занятию, то есть сидел и тихо завидовал. В восемьдесят девятом году я был старше своего гостя на девять лет и тоже не страдал хоть сколько-нибудь заметным доверием к Меченому и его клике. Но до столь точного анализа ситуации я тогда не дошел. Только в девяносто первом, перед самым путчем, начал продумывать варианты вроде тех, что сейчас услышал от этого парня, причем вариант победы «государственников» считал крайне маловероятным. Так что, когда Саша покончил с супом и о чем-то задумался, не прикасаясь ко второму, я его подбодрил:

– Хотите что-то спросить? Не стесняйтесь.

– Да, действительно хочу. Не знаете, что с моей матерью? И с отчимом, хотя вряд ли он дожил до две тысячи десятого года.

– Нет, не знаю, но могу узнать. Говорите фамилии, имена и отчества, ну и адрес на восемьдесят девятый год.

Гость продиктовал требуемое, причем адресов оказалось два.

– Отчим жил не с нами, – пояснил он, – они с матерью и поженились-то только в восемьдесят седьмом, а до этого просто... гм... встречались. Но давно, он где-то с первого класса заменил мне отца, которого я вообще не помню.

– Постойте-постойте, – напряг память я, глядя на имя и фамилию отчима, – а это не тот самый летчик-штурмовик, Герой Советского Союза и даже, кажется, член ЦК?

– Да, именно так, только не член, а кандидат. Кстати, данными для своего анализа я во многом обязан ему, да и с выводами он мне помог.

Моя зависть удовлетворенно вякнула: «Вот видишь, это он не сам, его приемный папа надоумил» и спряталась. Рекс укоризненно глянул на меня. Действительно, подумал я, мало, что ли, встречалось козлов с куда более крутыми родителями? Которые все равно так и оставались козлами, со временем только тупея. Так что парень молодец, это вне всякого сомнения.

– Вижу, у вас нет аппетита, – обратился я к нему, – тогда можете все это оставить, и поехали. В конце концов, если он вдруг прорежется чуть позже, у меня всегда найдется чего погрызть.

Мы вышли из гостиницы и погрузились в мою машину – обычный с виду руссо-балт «Престиж», то есть, по сути, ближайший аналог эмки. Таких машин уже довольно много ездило по Москве и Питеру, хотя, конечно, встречались они не так часто, как шныряющие тут и там «чайки». Лаборант с некоторым недоумением вертел головой.

– Смотрите, где охрана? Да не волнуйтесь, есть она, есть, просто ее не видно. И машина хорошо бронирована, хоть это и не бросается в глаза, так что поехали.

Домашних я уже предупредил, что вернусь не один и встречать нас не надо, так что мы с лаборантом, оставив машину во внутреннем двореке, поднялись в мой кабинет, а Рекс убежал к Насте.

Мы общались с Кобзовым до часу ночи. Он быстро, почти мгновенно, освоил ноутбук и просмотрел мои подборки по истории начала двадцать первого века, потом поинтересовался, не будет ли с его стороны выходящей за что-нибудь наглостью спросить про способы нашего проникновения в тот мир. Я рассказал ему о внешних признаках портала, то есть что он представляет собой совмещение миров по произвольно выбранной плоскости и на какое-то время, а не мгновенный обмен кусками пространства, как это было в их с Кисиним случае. Про наш метод открывания порталов я, естественно, умолчал. Зато не стал скрывать закономерностей течения времени в обоих мирах.

Уже под самый конец беседы он задумчиво сказал:

– Вот что я подумал про ваш средний класс. Как вы его назвали, офисным планктоном? Так вот, сейчас, когда обстановка стабильна, он действительно является опорой власти. Но подсознательно чувствует при этом свое рабское положение, а это значит, что своих хозяев он ненавидит так, как только раб и может ненавидеть хозяина. И если появится кто-то, кто сможет гарантировать вашему планктону поддержание достигнутого уровня жизни или даже его повышение, то репрессии этого кого-то против прежней власти пройдут при полнейшей поддержке данной социальной группы. Крестьяне из какой-нибудь заброшенной деревни, может, и не будут требовать, чтобы нынешнюю элиту поголовно четвертовали на Красной площади вместе с семьями, а эти обязательно будут. Кстати, наверняка вы это давно подметили и даже сделали выводы. Не поделитесь, чем можно?

– Отчего же не поделиться. Наш анализ обстановки от вашего почти не отличается, а выводы... Самый главный прост. На хрена нам с его величеством становиться новыми хозяевами тех, кто уже смирился со своим рабским положением и даже находит в нем какие-то прелести? А вот насколько эта ситуация необратима, мы пока не выяснили, хотя и предпринимаем серьезные усилия в данном направлении.

Перед прощанием я совсем было собрался позвонить в гараж, чтобы Сашу подбросили до дому, но он сказал:

– Да тут всего ничего идти, ночь теплая, пройдуся, заодно и мысли маленько устаканятся. Как здесь у вас со шпаной и прочими бандитами?

– Вы что, хотите, чтобы я их прямо под окнами своей московской резиденции разводил? Давно тут уже нет ничего подобного. За шпаной вам придется ехать в Марьину Рощу или на Мещанские улицы. Кстати, чуть не забыл. Вот регистрационное свидетельство на тот ПФ, что вы утащили из самолета, и два магазина к нему, а то в ваших небось уже пружины ослабли. Завтра обратитесь к Марине, она вам подскажет, где и как получить паспорт. Кстати, и бумажку свою комиссарскую ей отдайте, вам она больше ни к чему. Кисина тоже можете на буксире прихватить, только не говорите ему, что это за взятку, а то сдуру сам при случае кому-нибудь попытается дать, а это у нас чревато.

– Что, совсем нигде не берут никаких взяток?

– Мелких, на бытовом уровне – почти нет. Загреметь-то за них можно все равно очень серьезно. А вот в особо крупных размерах нет-нет да и хапнут, но такое гораздо проще отслеживать. Так что можете сказать чистую правду – что вашим виртуозным ремонтом магнитофона восхитился некий чин, например, недавно останавливавшийся в «Октябрьской» товарищ премьера Гурко, и дал команду помочь вам с документами.

– Простите, – усмехнулся Саша, – но чем это принципиально отличается от коррупции? Этот ваш Гурко якобы приказал кому-то помочь мне с паспортом в благодарность за мою хорошую работу, которая ему понравилась. То есть оказал мне протекцию за свое удовольствие.

– Нет, он просто отметил чью-то, в данном случае вашу, высокую квалификацию и помог вам в преодолении чисто бюрократических трудностей. Такая инициатива вполне допустима и даже приветствуется. Хотя, конечно, в каждом конкретном деле могут быть свои тонкости, но именно поэтому у нас и есть институт комиссаров. Пока ситуация штатная, чиновниками обычно занимаются императорские, а мои подключаются только в случае оправданных подозрений на серьезный криминал.

Лаборант ушел, имея в виду, что через пару недель ему, как хорошо зарекомендовавшему себя специалисту, придет предложение о работе из питерского института связи. Кисину же предстояло остаться в Москве одному – небось теперь и без няньки обойдется. Тем более что за ним все равно присмотрят, ибо гостиница «Октябрьская» по сути представляла собой филиал Георгиевской спецшколы ДОМа. Надо же будущим звездам провокаций,

шпионажа и сыска на чем-нибудь тренироваться, вот в числе прочего пусть понаблюдают и за бывшим парткомовцем.

Ну а мне остался всего один день в Москве, в который следовало выполнить обещанное дочке – то есть погонять с ней на кроссовых мотоциклах по Нескучному саду, причем, как она меня просила, не поддаваясь ей больше чем наполовину. Я, правда, не очень понял, что это значит, но мои сомнения означали лишь одно: папа будет прав в любом случае. Ибо если дочь начнет выражать неудовольствие, напомню ей, что она не уточнила, насколько точно исполнитель, то есть я, понял ее инструкции. А в таком случае в их нарушении виноват нерадивый начальник. Причем если он является не простой чиновной мелочью, а будущей ирландской королевой, то его вина от этого только становится более очевидной.

Глава 6

Надо сказать, что ни наши агенты, работающие в двадцать первом веке, ни аналитики, систематизирующие их донесения, ни мы с величеством не считали ситуацию там столь безрадостной, как я ее обрисовал Кобзеву. Во-первых, и среди власть имущих не все были козлами, упивающимися любой возможностью продемонстрировать свою крутость перед быдлом. Просто в силу своей сущности подобные сразу бросались в глаза. Так уж устроено человеческое восприятие. Представьте себе небольшую толпу, человек в десять, перед которой прыгают и выделываются два представителя семейства полорогих отряда парнокопытных. Что вы потом расскажете об этой картине? Думаю, большинство ограничится констатацией «ну и козлы!». Немногие педанты уточнят про наличие там еще и людей. Потому как люди заняты более важным делом, чем тупое самоутверждение за счет окружающих, и не стараются специально привлечь к себе внимание. Они вдумчиво делят откаты.

Кроме того, и реакция той части народа, которой сложившаяся ситуация активно не нравилась, тоже помаленьку менялась. Еще несколько лет назад основная часть недовольных просто и незатейливо сваливала за рубеж, то теперь начали проявляться и настроения как-то бороться за улучшение жизни и здесь. Впрочем, отчасти это было связано с тем, что последнее время тот самый зарубеж начал терять свою привлекательность – больно уж много стараниями тамошних властей в нем развелось всяких арабско-турецких иммигрантов, своих «афроамериканских» люмпенов и просто пидоров всех мастей. Причем все это происходило на фоне усиления маразма, который по неясным причинам почему-то назвали политкорректностью. Одно только вымарывание слова «негр» из книг Марка Твена чего стоит! Честное слово, я не удивлюсь, если бывшего терминатора, а ныне губернатора Калифорнии заставят сменить фамилию на «Шварцафроамериканер».

Однако стратегическая линия нашей политики в отношении с тем миром пока еще не была до конца определена. Для ее выработки нам требовалась достоверная информация, если и не с самых верхов, то по возможности из близких к ним кругов. И я в ближайшее время собирался представить на утверждение величеству план, когда работающие там наши специалисты станут жертвами неспровоцированной агрессии. Естественно, охраняющие их девушки такого не потерпят и проявивший ее окажется у нас. Где «среди него», понятное дело, тут же проведут серьезную воспитательную работу, на время которой мы воздержимся от открытия порталов. Господа Ли утверждали, что в самом сложном случае им потребуется не больше десяти дней, но я еще в молодости твердо усвоил правило, согласно которому для успешной реализации пусть даже самого продуманного плана потребуются в пи раз больше времени, чем это предполагалось поначалу. Так что через месяц с хвостиком по нашему времени и через сколько-то там миллисекунд по ихнему объект будет возвращен, а Гоша в случае каких-либо вопросов выразит умеренное недоумение: мол, чего это ваши засранцы ни с того ни с сего наезжают на наших людей? Мы, скажет он, им даже немножко объяснили про то, как это нехорошо, вы уж извините.

Однако имелась определенная надежда, что это дело можно будет провернуть и незаметно для властей. Но для успешной реализации задуманного требовались две вещи. Первая – правильный выбор объекта, то есть он должен быть сволочью. И, так сказать, безупречная стихийность последовавшего за этим выбором действия. Я уже оценил предварительный план Танечкиных девочек, понаблюдав за натурными репетициями и пришел к выводу, что все вполне может получиться. И уж не так, как у спецслужб того мира! Нет, наверное, в каких-то случаях они наверняка что-то проворачивали, и хорошо. Но далеко не всегда – типичный пример произошел совсем недавно. Молодежь как-то раз собралась возмутиться выходящей за всякие рамки продажностью милицейских чинов, и было принято решение

выдать это дело за выступление нацистов. Но чин, которому все было поручено, даже не стал напрягать мозги, и в результате лица, громче всех кричавшие «Хайль», призывавшие перебить всех нерусских и лезшие под объективы прессы со вскинутой в фашистском приветствии рукой, вскоре были опознаны как сотрудники чина-халтурщика, а самый главный и вовсе оказался его племянником. Да если бы у нас не то что ДОМ или шестой отдел (про это и разговора быть не может), но даже полиция ухитрилась провести какую-нибудь операцию столь халтурно, то я, пожалуй, так сразу не взялся бы предсказать судьбу виновных. Ясно одно – она была бы крайне незавидной и весьма поучительной.

Ну а в планируемом случае ситуация должна была развиваться следующим образом. С Никоновым уже согласовано, что мы приглашаем к себе одну пенсионерку с мужем. Не совсем простую, естественно, а доктора биологических наук, специалиста по генной инженерии. И по дороге от их квартиры до нашего посольства на Даниловской случатся сразу две неприятности. Во-первых, мужу станет плохо. Во-вторых, именно в этот момент произойдет небольшое ДТП, которое отсечет машину сопровождения, приставленную к нашим никоновской конторой. Тем временем «жигуль» с потерявшим сознание мужем резко свернет на единственное место, где тут можно припарковаться, а это будет стоянка перед рестораном, куда по вечерам любит заезжать выбранный нами чиновник. Естественно, единственное свободное место держат для него, «жигуль» влетит туда буквально перед носом правительственной БМВ, и водитель начнет оказывать первую помощь мужу пенсионерки. Понятно, что ресторанный персонал попытается как-то это дело пресечь, но его мягко и незаметно придержат. Тогда в дело вступит охрана приехавшей поужинать шишки, ну а дальнейшее – это уже чисто технический вопрос. А для уточнения отдельных его деталей и придания тренировкам большей натуральности недавно через Никонова нами был куплен БМВ. Петр Сергеевич даже несколько удивился – неужели у нас началось что-то вроде либерализации и кому-то из высшего чиновничества будет позволено ездить на такой машине? – но мне пришлось его разочаровать.

– Нет, – объяснил я, – у нас в этом отношении все по-прежнему, то есть использование государственными служащими иномарок рассматривается как преднамеренное оскорбление державы. А этот бумер предназначен моей жене. Ведь она у меня недавно устроилась работать ирландской королевой, и вот там езда на российском авто не очень оправдана в политическом плане. Незачем давать пищу для измышлений всяким демагогам, что-то вякающим о якобы имеющей место зависимости недавно завоевавшей себе свободу страны от России.

Разумеется, я говорил чистую правду – впрочем, как и практически всегда. Только умолчал о том, что до отправки в Ирландию эта машина послужит объектом для тренировок по быстрому и незаметному прицеплению к ней крюка с тросом, другой конец которого будет привязан к танку «крыса». Но оправданием мне может служить простой факт: о таких подробностях Никонов меня и не спрашивал.

Так вот, пока я занимался всей этой тихой административной деятельностью, а приехавший в Гатчину Кобзев уже начал работы по восстановлению вывезенной из забайкальской тайги установки, оставшийся в Москве Кисин явно решил, что период его адаптации в новом мире завершен, пора выходить, так сказать, на большую дорогу. И вступил в партию анархо-коммунистов, то есть кропоткинцев, ячейка которой имела и на Метрострое.

Все рождественские каникулы Виктор Иванович готовился к общемосковской конференции анархистов, которая должна была состояться в середине января. Подготовка проходила в муках. Во-первых, у Кисина практически не было никаких материалов. Ни решений вышестоящих органов, ни разъясняющей бумаги из райкома, что всегда приходила перед каждой дискуссией в том мире. Даже полного собрания сочинений отца-основателя, то есть

Кропоткина, и то не имелось! Откуда брать цитаты? Наличествовали только три статьи на русском языке и одна на французском, толку от которой – как с козла молока. Ибо единственная фраза, которую Виктор Иванович мог хоть как-то произнести на языке Бальзака, представляла собой «месье, же не манж па сис жур». Потому как в том мире у Кисина имелся видеоманитофон и в числе прочих наличествовала кассета с «Двенадцатью стульями».

Кроме того, сильно мешало слабое знание сложившейся в этом мире ситуации. Даже то, что здесь, оказывается, по результатам мировой войны образовалась Вторая Парижская коммуна, руководимая социал-демократами и анархистами, он узнал совсем недавно. И, откровенно говоря, случайно. Но главное отличие здешней ситуации от знакомой ему по курсу истории КПСС он понял быстро. Жестокий террор властей привел к тому, что большевики были частично уничтожены, а оставшиеся запятали себя соглашательством! И петербургская организация РСДРП, руководимая Зиновьевым, объявила, что пролетарская революция – дело очень далекого будущего, которым в лучшем случае займутся наши внуки, а сейчас требуется лишь работа по созданию предварительных условий для начала подготовки к первому этапу продвижения к ней. Не зря, ох не зря Ленин в семнадцатом году назвал его политической проституткой! Или это он Троцкого? Впрочем, неважно, Троцкий тут уже двенадцатый год как покойник. Да и сам Ильич... Анархисты были уверены, что весь женеvский ЦК РСДРП работает под контролем канцлерских спецслужб. И в России остались всего две партии, нашедшие в себе силы продолжать борьбу в условиях жесточайшей реакции: анархисты и правые эсеры. Но последние по самой своей сути являются оппортунистами, а анархо-коммунисты, как смутно припоминал Кисин, одно время были ближайшими соратниками большевиков. Недаром в честь Кропоткина названа станция метро в самом центре Москвы. И раз получилось так, что знамя борьбы за интересы рабочего класса выпало из ослабевших рук большевиков, его должны подхватить другие прогрессивные силы. Например, анархисты.

Итак, начал свой анализ Кисин, в чем сейчас главное препятствие на пути рабочего движения? В его разобщенности! Даже московские анархисты и те делятся на анархо-коммунистов и анархо-коллективистов. Причем если про первых Виктор Иванович что-то слышал и раньше, то о существовании вторых узнал только здесь. А в основном он учил про каких-то совсем других... как же их там... ага, анархо-синдикалисты. Кажется, они появились позднее или по крайней мере вошли в силу только перед самым Октябрем. Именно они стали союзниками большевиков на первом этапе революционных преобразований.

Кисин встал и в волнении прошелся по комнате. Кропоткинцы и коллективисты не хотят объединяться, потому что у каждой группы уже сложилась своя организация, и никто не хочет вливаться в чужую партию. Но если им предложить объединение на какой-то третьей платформе, то ведь это может и выгореть!

Кисин снова сел и начал записывать свои озарения. Значит, ближайшими задачами является усиление агитации среди рабочих, для чего кропоткинцы и коллективисты должны объединиться на платформе анархо-синдикализма, после чего начать планомерную работу по резкому усилению своего влияния в профсоюзах.

Прочитав написанное, Виктор Иванович удовлетворенно хмыкнул – с его точки зрения, получилось очень неплохо. И теперь до конференции оставалось сделать всего одно небольшое дело, а именно: попытаться узнать, что же такое представляет из себя этот самый анархо-синдикализм.

Пока Кисин воспарял мыслью в теоретические высоты анархистского движения, ДОМ потихоньку провел операцию «Гость». Можно сказать, что она прошла близко к запланированному, хотя пару раз от ее участников и потребовались небольшие импровизации.

Еще на стадии тренировок «жигули» были заменены «Окой» – естественно, эрэфовской, а не нашей. Так вот, пробки на маршруте в этот день несколько превышали средний уровень, так что «лексус» сопровождения с трудом успевал за юркой машинкой. На Ленинском проспекте «Ока» просочилась к очередному светофору в междурядье, на манер мотоцикла, а сопровождающие решили объехать это место по резервной полосе. Где вмазались в спешащий куда-то «мерс» с мигалкой, недостатка которых на Ленинском не ощущалось никогда. Интересно, кто в конце концов окажется круче: никоновские ребята или неведомый мигалковладелец? То есть ДТП прекрасно устроилось и без нас. Но способствовавшая ему ситуация, то есть плотность движения, заметно превышающая обычную для этого места и времени, привела к тому, что «Ока» с пассажирами явно опаздывала к точке randevu у ресторана. Однако она не стала спешить и рисковать, а тихо свернула куда-то в Донские переулки и там затерялась. Потому что, разумеется, при планировании был предусмотрен и такой случай.

Здесь, пожалуй, не помешает небольшое отступление. Еще будучи простым инженером Найденовым при его высочестве цесаревиче Георгии, я не раз напоминал Танечке и тогдашнему главе шестого отдела Бене простую вещь: пусть уж лучше операция обойдется в десять раз дороже, чем получится в два раза хуже! Разумеется, такая политика возможна только в том случае, если есть близкая к полной уверенность, что дополнительные деньги не будут разворованы. Но на это я тоже с самого начала обращал самое пристальное внимание, так что тут особо волноваться не стоило.

Так вот, в силу вышеприведенных соображений точно в назначенный срок из переулка в двухстах метрах от ресторана вырулила «Ока», неотличимая от той, которую сопровождали никоновские сотрудники, с пятнами ржавчины в тех же самых местах и с той же самой супружеской парой внутри.

Само собой, мы не собирались подвергать доверившихся нам пожилых людей всяким опасностям, тем более что их и не учили на Джеймсов Бондов. Просто заранее подобрали две пары гораздо более молодых и тренированных сотрудников, а остальное сделали гримеры. Разумеется, сходство получилось не абсолютным, но таковое и не требовалось. Супруги же были заранее перемещены в наш мир через портал прямо на стене их кухни.

А тем временем к ресторану, кроме «Оки»-дубль и БМВ с объектом, приближались еще и трое мальчишек лет двенадцати на вид, которые на ходу с хохотом перебрасывались снежками. Ну дети же, что с них взять, в кои-то веки раз вырвались поиграть, порядки-то в Георгиевской спецшколе ДОМа весьма суровые... Так что не было ничего удивительного в том, что за секунду до резкого поворота «Оки» на пустое стояночное место снежок, брошенный одним из пацанов, залепил камеру видеонаблюдения. Вторую они решили не трогать, потому как рядом стоял «Шевроле Тахо», удачно перекрывший ей обзор в нужном направлении.

Бабульку, которая с интересом смотрела за развитием событий на стоянке, вдруг кто-то слегка толкнул. Она обернулась и на мгновение потеряла дар речи от возмущения – две размалеванные молоденькие девицы, размахивая руками, громко и нецензурно обсуждали длину и толщину полового члена какого-то Махмуда. Но через пару секунд дар речи к бабке вернулся, причем в совершенно неумеренных количествах, и как минимум минуту несколько прохожих с большим интересом слушали ее комментарии о моральном облике современной молодежи, более ни на что внимания не обращая. Впрочем, одна скромно одетая дама отвернулась, видимо, такая картина ей показалась неприятной. Еще чуть-чуть, и она увидела бы самый момент исчезновения БМВ, но тут за ее спиной раздался приятный мужской голос:

– Красавица, у вас из сумочки мобильник выпал. Возьмите, зачем ему в снегу-то валяться.

Некоторое время дама тупо глядела на свой мобильник и расстегнутую сумочку, которую – она это хорошо помнила – совершенно точно застегнула пять минут назад, выходя из троллейбуса. Потом подняла глаза, но галантный незнакомец уже исчез.

Пассажир подъехавшей к ресторану БМВ с недовольством глянул на раскорячившуюся прямо поперек его места стоянки грязную «Оку».

– Совсем обнаглели! – буркнул водитель, к «Оке» уже подбежали охранники. Но тут...

Пассажир зажмурился от вспыхнувшего на месте «Оки» ослепительного света, а его машина вдруг двинулась вперед. Сбоку послышался растерянный мат обычно сдержанного водителя, и открывший глаза пассажир с удивлением обнаружил, что обстановка вокруг машины радикально изменилась. За окнами был не московский вечер, а темная ночь. БМВ стояла на какой-то заснеженной площадке, освещенной яркими лучами прожекторов. К ней уже бежали автоматчики в незнакомой форме, а танк, неизвестно откуда появившийся метрах в пяти спереди, разворачивал башню пушкой назад.

Один из подбежавших вежливо постучал стволом в стекло, и чей-то усиленный мощными динамиками голос сообщил:

– Господа, вылезайте, вы уже приехали. Да побыстрее, пожалуйста, а то ведь мы можем и помочь.

Сообщив бесстыжим девкам все, что она думает о них самих и их родителях, бабка снова повернулась к стоянке. Но там все было уже на редкость благопристойно: «Ока» исчезла, лимузин и мини-вэн охраны чинно стояли рядом. Правда, это только для бабки минуло всего три минуты с начала истории. Для пассажира БМВ, его водителя и троих охранников прошло шестнадцать суток.

Пассажир озибался, не в силах поверить, что этот бесконечный кошмар, длившийся днями и ночами последние две недели, наконец-то кончился.

– Домой, – выдохнул он, повернувшись к водителю.

– Нет, – покачал головой тот, – извините, но ОНИ велели вам идти и ужинать, как будто ничего не случилось.

Пассажира передернуло. Да уж, ЭТИ, если захотят, теперь достанут его где угодно. И снова будет подвал с жуткими китайцами, которые в перерывах между его мучениями лениво рассказывали, что сейчас-то происходит всего лишь легкая разминка, а вот если господин удосужится попасть к ним по новой...

С трудом подавив возникший в горле спазм, пассажир обреченно потянулся к ручке двери.

Глава 7

Закрыв портал за гостем из двадцать первого века с его лимузином, мы с его величеством облегченно вздохнули.

– Вроде все прошло чисто, – полуутвердительно заметил мне Гоша.

– Да, мне тоже так показалось, но точно можно будет сказать чуть позднее.

– А не слишком ли твои господа Ли его замордовали, в глаза изменения характера не бросятся?

– Специально старались, чтобы клиент не поймел особых сдвигов в психике. Хотя чему там сдвигаться, мне не очень понятно. И откуда в их Думу таких набирают – тоже. Ему перед первым допросом чисто для профилактики пару раз оформили в рыло, так это чмо натурально расплакалось! Младший Ли даже малость растерялся. Он сейчас диплом пишет про фармакологические усилители болевых ощущений, хотел что-то попробовать, а тут такой облом. Какие там усилители, когда этот хмырь от одного вида простых пассатихей в обморок падает! В общем, самая страшная мука, которую ему довелось перенести у нас в гостях, представляла собой зашивание контейнера в ягодичную мышцу – ясное дело, без наркоза.

– Ты что, капешку ему туда засунул? – удивился император.

Смысл удивления Гоши был в том, что мы с ним не так давно научились открывать порталы из кубиков с одной прозрачной гранью. То есть внутренность этого кубика нам была хорошо известна, и от наших агентов требовалось только доставить его в выбранную для открытия портала точку того мира. Открыв портал внутрь кубика, мы через стеклянную грань могли видеть место, которое оказалось перед ней, и открывать портал уже туда. Это было менее удобно, чем в стационарные точки вроде коттеджа на Торбеевом или посольства на Даниловской, ведь приходилось открывать два портала подряд. Но зато теперь мы могли сделать это в любое место, где окажется наш кубик. Назывался он «контейнер портала», или по-простому «капешка». Но эти контейнеры имели ребро в семь сантиметров, при меньших размерах с открытием портала у нас пока не очень получалось. Вот величество и удивилось, как это мои спецы ухитрились снабдить гостя столь немалым довеском к организму.

– Нет, – вынужден был я разочаровать своего сюзерена, – не капешку, просто капсулу чуть меньше перепелиного яйца. Но зато работы самого Фаберже! Там, кажется, изображен Моисей на горе Синай. А может, и кто-то еще на другой горе, не разглядел, больно уж картинка мелкая. Но он-то не знает, что портал оттуда не устроишь! И думает, что это как раз очень даже можно.

– А почему именно Фаберже и при чем тут Моисей?

– На случай, если нашего гостя там все-таки расколуют. Тогда вырежут у него из зада эту вещичку и начнут чесать репу. Такое яичко с библейской картинкой хорошо согласуется с нашими монахами, всякий раз читающими молебен об открытии портала. Кроме того, внутри этого яйца лежит свиток из тончайшей китайской бумаги, на котором тушью нанесены древние ведические руны.

– Сам их сочинял? – усмехнулось величество.

– А как же, чуть ли не десять минут подряд напрягал художественное воображение. Красивые руны получились, с завитушками и прочими украшениями, пусть расшифровывают на здоровье. Кроме того, есть надежда, что подобная вещичка, став известной тамошнему руководству, поспособствует созданию новой традиции. Согласно которой каждый чиновник перед визитом, скажем, к президенту должен будет приспустить штаны и показать охране свою задницу на предмет отсутствия швов и шрамов. Мало ли, запустишь такого

в святая святых, а у него из этого места как полезут наши десантники в полной экипировке! В общем, пусть поразмышляют на подобные темы, если все-таки прознают о приключениях наших дорогих гостей.

– Ладно, – кивнул Гоша, – пусть и не в зад, но капешку-то он с собой захватил?

– Разумеется, она в портфеле. Вернется домой, протопчем стационарный проход в его кабинет. А потом – в рабочий, который в Думе, тоже пригодится. Скоро у тебя ужин накроют? А то я что-то малость подустал с этими открытиями, хотел сегодня вернуться к себе пораньше и завалиться спать не позже двенадцати.

В Гатчине меня ждал свежий доклад о последних свершениях Кисина, но я даже не стал его читать, а просто уточнил у референта, не собирается ли этот кандидат в вожди на днях устраивать пролетарскую революцию. Ответ был отрицательным, и я со спокойной совестью отправился спать. Завтра почитаю про его новые подвиги, причем не с утра, а попозже, сегодня и так день получился достаточно тяжелым.

Утром я на свежую голову просмотрел материалы по операции «Гость». Начал с резюме юридической группы, где она подробно разобрала все нюансы проведенной операции и вынесла вердикт – нарушений буквы наших договоренностей с РФ в процессе нее допущено не было. Далее шло приложение с детализировкой пары способных вызвать сомнение эпизодов, которое я пока отложил.

Некоторые, конечно, могут удивиться. Мол, еще в процессе первой встречи на высшем уровне был подписан документ, где четко говорилось, что перемещения через порталы, образованные на территориях стран-подписантов, людей или материальных объектов допускается только с взаимного согласия сторон!

Так вот, уже через месяц после этого Российская империя на всякий случай подарила Израилу кусочек своей территории в Гатчине, бумагу о чем Немнихер подписал без лишних вопросов. А ведь видно было, как ему хочется намекнуть, что подобную сговорчивость можно и малость простимулировать! Но, видимо, Арон Самуилович решил, что намек канцлеру на подобное, когда тебе что-то и так дают, может быть неправильно понят, и превозмог себя. Я был так растроган, что при нем позвонил Маше и попросил в чем-нибудь немножко помочь столь приятному в общении человеку. И отправился на этот кусок, где вскоре образовался наш полигон по порталам. Потому как по букве соглашения выходило, что эти требования распространяются только на те порталы, у которых с обеих сторон территория стран-участниц.

Кроме того, само понятие «обоюдное согласие» можно трактовать достаточно широко, чем обе стороны и занялись сразу после подписания генерального соглашения, наплодив кучу уточняющих документов. Причем, что интересно, инициатива шла с обеих сторон. Так, Никонов выторговал для РФ право отправлять с острова в Аральском море контейнеры, которые не будут подвергаться нашему досмотру. Мы согласились, но в ответ попросили о встречной уступке, предварив свою просьбу маленьким спектаклем.

Помните, как в наш мир попал ошалевший от восхищения Гердой Паульсен молодой писатель? Я еще попросил его под видом фантастики создать эпическое полотно про наш мир. Так вот, видимо, желая доказать любимой, что и он чего-то стоит, писатель явился ко мне на прием и заявил, что для должного погружения в тему ему просто необходимо поучаствовать в реальных операциях. Я согласился, правда, предложив ему сначала пройти хотя бы минимальную подготовку.

Через два месяца, окончив ускоренные курсы самообороны и научившись с грехом пополам стрелять из ПФ, сочинитель опусов про котов почувствовал себя круче Брюса Уиллиса и заявил, что он готов к свершениям, кои не замедлили последовать.

Писатель был родом из одного заштатного райцентра Владимирской области. Правда, ни родственников, ни знакомых у него там почти не осталось, но в позапрошлом году он все же съездил туда посмотреть на места, где прошло его детство. И на следующий же день вернулся, потому как в поселке всем заправляла банда, иначе не скажешь, намертво сросшаяся с местной властью. Но теперь вновь настала пора посетить могилу бабушки, причем на сей раз в компании невесты.

На стадии подготовки операции эта невеста, то есть Герда, буквально задолбала группу прикрытия придирками абсолютно к любой мелочи. На ехидный вопрос, почему раньше она не отличалась такой щепетильностью, невеста невозмутимо отвечала, что тогда речь шла об обеспечении личной безопасности ее и подруг, которые в случае нештатного развития ситуации могли прекрасно сами о себе позаботиться. А сейчас объект специфический, напоминала Герда, и продолжала гонять группу.

И вот молодая пара приехала в поселок с вечерним поездом. Как-то так уж получилось, что девушка понравилась двум местным, так сказать, вершителям судеб, и ее, никого не стеснясь, потащили в машину.

Однажды я случайно посмотрел видеозапись, где хомячок нападал на людей. Черт его знает, то ли у него где-то рядом была норка и он защищал своих детей, то ли просто кушал какой-то травки, но это надо было видеть. Как он отважно растопыривал лапки! С каким грозным писком этот пушистик бросался на врага!

Так вот, писатель мгновенно забыл даже то небольшое, что кое-как усвоил на занятиях, и очертя голову бросился защищать любимую, бестолково размахивая кулаками. Поначалу от него просто отмахнулись, но он вскочил и, не обращая внимания на кровь, струившуюся из разбитого носа, снова бросился в бой. Тут ему выдали уже всерьез, но он снова смог подняться и, шатаясь, сделал шаг в сторону машины.

Здесь Герда решила, что пора переходить к завершающей фазе операции. Со стороны это выглядело так, будто затаскиваемая в машину девушка вдруг смогла вырваться и отбежать за ближайший угол, но там споткнулась. Естественно, нападавшие кинулись за ней и в запале не обратили внимания, что место, где споткнулась девушка, выглядит как-то необычно. То есть мы сделали его очень похожим, время-то у нас было, но сходство, разумеется, получилось не идеальным. Несколько секунд Герда с жалобными криками безуспешно отбивалась от насильников уже по нашу сторону портала, потом ей подали знак, что видеозапись сделана, и она двумя эконоными ударами вырубил козлов.

Через два часа у меня в кабинете уже ерзал на стуле сверхсрочно вызванный с Селигера Никонов, которому я вручил ноту о беспримерном по своей наглости нападении на подданную Российской империи и попытке изнасилования, совершенной уже на нашей территории. Показал видео и свой указ о принятии этого дела в особое производство седьмым отделом. Потом познакомил Петра Сергеевича со стенограммами допросов и потребовал если не выдать, то не препятствовать перемещению в наш мир тамошнего райотдела милиции в полном составе, ибо из показаний виновных ясно следовало, что все безобразия в райцентре происходили с их корыстного попустительства, а иногда и при прямом участии. Поскольку по законам Российской империи они являются соучастниками и должны именно по этим законам ответить за деяния, приведшие к нападению на подданную империи. А параллельно мы поинтересуемся, кому они отстегивали наверх за крышевание. Потом повторим то же самое уже с новыми подозреваемыми, и так до самого конца порочной цепочки. Никонов приуял, он ясно представлял, где она может кончиться, и сказал, что ему надо посоветоваться с руководством. Причем он отнесся к моим претензиям достаточно серьезно, ибо уже имел представление о том, как Российская империя поступает с совершившими преступления в отношении ее подданных, где бы преступники ни находились.

Писателя, когда он подлечил перелом носа, ключицы и сотрясение мозга, наградили почетной грамотой от ДОМа и именным оружием – ПФ с моей личной дарственной надписью. Видео его подвига потом использовалось как пособие в спецшколе на занятиях по изобразительному искусству, где курсанты постигали нелегкое искусство изображать из себя простого лоха. Герда же совершила поступок, узнав о котором, я искренне порадовался за девушку. Кажется, ее чувство к писателю тоже стало достаточно серьезным. Полевые агенты обычно относились к господам Ли не очень приязненно, хоть и отлично понимали всю необходимость их неблагодарного труда, и Герда не была исключением. Так вот, она явилась к Ли-старшему и поделилась с ним своими личными наработками из области экстренного потрошения. После чего попросила, если ее скромные находки покажутся господину Ли интересными, применить их к гадам, посмевающим побить ее парня. Ли поблагодарил и заверил, что госпожа Герда может не волноваться, все будет исполнено в лучшем виде.

Ну, а мне пришлось удовлетвориться тем, что с крышевавшими бандитов ментами разберется эрэфовское правосудие, – Никонов пообещал, что в данном случае оно будет работать без оглядки на высоких покровителей, даже если они есть. Как говорится, свежо предание, но нам оно было в общем-то без разницы. Зато в документах о портале появилась статья, где допускалось несогласованное его открытие в качестве средства самообороны. В случаях, угрожающих жизни, здоровью либо чести наших людей. С последующим извещением о них противоположной стороны.

Так вот, бумага о том, что на нашего человека неустановленными лицами было совершено нападение из хулиганских побуждений, уже имелась, я подписал ее и положил в папку для отправки в Вольфшанце, где именно на такой случай безвылазно сидел никоновский сотрудник. Никакой лжи в ней не содержалось, ибо среди множества вопросов, заданных нашему гостю, не было ни одного о том, как его, скота, зовут и где он, гад, работает. Кроме того, точно такая же бумага уже приходила по тому же адресу десять дней назад. Тогда один Танечкин агент, обладавший ярко выраженной кавказской внешностью, имел неосторожность повстречаться с группой, выражаясь официальным языком, националистически настроенной молодежи. На самом деле парни просто были возмущены засильем кавказцев в их районе, причем при явном попустительстве властей, ну и не сдержались. Взяли их аккуратно, так, что они ничего и не поняли, накормили лучшим обедом, который только смогли приготовить мои повара, от души напоили фишмановкой, дали каждому по сто тысяч рублей и с напутствием: «Молодцы, ребята» выпроводили обратно в двадцать первый век. А никоновскому сотруднику тут же пришла бумага вышеприведенного содержания.

Так что пускай ищут, где там у них опять случилось нечто подобное. В конце концов, нам недолго и еще раз повторить, если не найдут.

Отложив бумаги, я задумался о текущем состоянии наших отношений с Федерацией. Еще раз, хоть это и проигрывалось со всех сторон в процессе подготовки операции. Насколько для наших партнеров окажется критичной эта ситуевина, даже если они и разберутся, что на самом деле произошло с господином депутатом? Пожалуй, что не очень. Два месяца назад в разговоре с Никоновым я обмолвился, что недавно вернулся из Китая. Это было чистой правдой, с тем китайцем, которого на нас вывел Андрей, мы уже провернули несколько весьма выгодных для него сделок, и теперь сарай при его доме был моим оперативным складом, ну и местом стационарного открытия портала заодно. От этой новости Петру Сергеевичу даже слегка поплохело. Все правильно, ведь самым большим геморроем для тамошних властей являлись вовсе не мои агенты, что бы они там ни вытворяли. Кстати, никаких особых безобразий пока и не было. Но если вдруг я вздумаю выйти на руководство Китая и предложить ему полигон, где время течет в тридцать или даже в пятьдесят раз быстрее, то дальнейшее представить себе нетрудно. Элите придется в темпе паковать

чемоданы и бежать куда угодно, потому что через несколько лет Россия станет еще одной провинцией Китая, и вряд ли новые хозяева оставят старых не то что у власти, а даже на свободе. Так что ссориться с нами им было совершенно не с руки.

Играло роль и то, что противоположная сторона могла доверить наблюдение за нашими людьми весьма ограниченному количеству сотрудников, ибо в такую тайну, как существование портала, можно было посвятить немногих. Мы же при необходимости имели возможность задействовать весьма значительные силы, потому как что случается с болтунами — у нас понимали все. Но и положительная мотивация у наших сотрудников была куда сильнее, чем у Федерации! Они чувствовали за собой мощь огромной империи и знали, что та никогда от них не только не откажется (это вообще невероятно), но и не бросит в беде. И дело тут не в том, что мы с Гошей оказались такими уж высокоморальными. Просто мы понимали, что доверие исполнителей стоит гораздо больше любых сиюминутных политических выгод. И это доверие у нас было.

Возьмем, например, ситуацию с только что гостившим у нас депутатом. Хоть он и оказался полным слизняком, но наверняка вел бы себя достойней, если бы был уверен, что Россия предпримет хоть какие-нибудь серьезные шаги для его защиты. Но он знал, что, если руководству это покажется выгодным, его сдадут без малейших колебаний. Увидев фото, где мы сидим за столом с их премьером, он сломался окончательно. Окажись в аналогичной ситуации наш комиссар, он был бы твердо уверен в обратном, причем совершенно оправданно.

Кроме вышеперечисленного определенный интерес представляла и позиция самого Никонова. Ведь кем он был всего полгода назад по их времени? Обычным зам замычем уровня чуть выше среднего. А теперь он ближайший доверенный сподвижник второго лица в государстве, причем такого, которое многие вполне оправданно считают первым! И это будет продолжаться, пока наши отношения нормальны. Стоит им прерваться или даже перейти во вражду, кем мгновенно станет некто Петр Сергеевич Никонов? Хорошо если просто никем, а не покойником, хотя и такое нельзя исключать.

Так что Никонов был кровно заинтересован в продолжении нашего сотрудничества, и, по косвенным данным, уже подумывал, где бы это в целях его расширения найти общего для обеих сторон врага.

Глава 8

После обеда дошло время и до обзора деятельности Кисина. Надо же, подумал я, быстро просмотрев три страницы отчета. Дурак-то он, конечно, дурак. Но ведь говорит же иногда умные вещи! Интересно, у него это случилось непроизвольно или таки началась активизация мозговой деятельности в связи с резко изменившейся обстановкой?

Выступление Виктора Ивановича про объединение на платформе синдикализма было раскритиковано в пух и прах, но он тут же родил еще одну идею, и эта оказалась принята куда более благосклонно. Суть ее составляло утверждение, что в связи с только что вступившим в силу законом «О лоббировании» Государственная Дума стала просто идеальной площадкой для партийной агитации. И дальше он объяснил почему.

На время мировой войны деятельность этого органа народовластия была приостановлена, но после ее окончания снова возобновилась. Правда, поначалу депутаты пребывали в сильном беспокойстве из-за только что созданного Конституционного суда с сажаемыми функциями. Мол, примешь чего-нибудь не того, и здравствуй, сказочная река Вилуй, где на рытье алмазных котлованов всегда ощущается нехватка рабочих рук. Однако время шло, в числе прочих принимались и сомнительные в смысле соответствия конституции правовые акты, а пару раз так и прямо ей противоречащие, но суд обходился частными определениями и дел не возбуждал. Думцы потихоньку воспрянули духом и пустились во все тяжкие. Были приняты поправки к закону об акцизах, пролоббированные водочными и табачными фабрикантами, за исключением Фишмана, естественно. Далее Дума протянула свои загибающие лапы и к земле, родив несколько природоохранных актов и образовав специальную комиссию по рассмотрению дел, связанных с землепользованием и строительством в свете их соблюдения. Что, естественно, привело к появлению нового значения давно известного слова «откат». Начались речи о необходимости подчинения Думе Госбанка и создании комиссии по контролю за деятельностью Финансового департамента ее величества.

Я наблюдал за всей этой возней с некоторым недоумением. Нет, ничего принципиально другого не ожидалось, но меня удивила скорость, с которой думцы заглотили наживку. По нашим прикидкам, процесс должен был занять раза в два больше времени. Наверное, слуги народа несколько неправильно поняли смысл слова «демократизация», вошедшего в оборот сразу после войны. Да, местные органы власти планомерно переводились на полностью выборную основу, но эти столпы либерализма решили, что процесс коснется всех слоев общества вплоть до самого верха. Хотя, казалось бы, если тебе на пути попадается кусок сыра внутри конструкции неизвестного назначения, то самым логичным будет предположить, что это мышеловка. И то, что никому пока не было предъявлено обвинения, вовсе не означало, что КС бездействовал. Нет, он активно работал в тесном контакте с обоими комиссариатами и народным контролем, но дела тихо ждали своего часа в папках, число которых непрерывно увеличивалось.

И этот час настал. Парочка наиболее отъявленных законотворцев была арестована прямо в зале заседаний, после чего почти все оставшиеся имели возможность познакомиться с тем, как их деятельность отражена в имеющихся у КС материалах. Но, не дав господам до конца впасть в уныние, я собрал их и пояснил, что нынешняя неприятная ситуация сложилась исключительно из-за недостаточно проработанной правовой базы. И если уважаемые думцы в темпе поправят обнаруженное темное место в законодательстве, никаких оргвыводов Конституционный суд делать не будет. Ибо я понимаю, что в таком сложном деле, как законотворчество, всегда возможны ошибки, и главное — это вовремя их исправить.

В результате нашей беседы законопроект «О лоббировании» со свистом проскочил все три чтения и вступил в силу с первого января пятнадцатого года. И теперь любое выступление думца обязано было начинаться с преамбулы. Где он объяснял, насколько предлагаемое им может поправить его личное благосостояние и каким образом. Потом переходил к родственникам и знакомым. Умолчания и неточности в преамбуле подлежали преследованию по суду, в диапазоне от предупреждения до червонца с конфискацией. Причем если какое-либо средство массовой информации освещало это выступление, то оно обязано было приводить преамбулу полностью и абсолютно точно. От самого выступления журналюги могли оставить сколь угодно малый огрызок, но пропажа хоть одного слова из выступления влекла за собой весьма неприятные последствия.

И вот недавно состоялось первое заседание по новым правилам. Для того чтобы помочь господам депутатам в случае каких-либо затруднений, там присутствовал мой комиссар.

Судя по всему, думцы решили опробовать новшество на наименее ценном члене их коллектива, так что на трибуну вылез неизвестный не только широкой публике, но даже и мне какой-то господин Монахов от Самарской губернии и начал:

– В соответствии с требованиями закона «О лоббировании» я заявляю, что поднимаю этот вопрос исключительно из соображений улучшения жизни нашего народа, не преследуя этим никаких личных целей...

Тут комиссар поднялся со своего места и, подойдя к оратору, что-то ему шепнул, после чего вернулся обратно. Тот на мгновение запнулся, но быстро опомнился.

– Кроме разве что бескорыстного желания помочь питерской сети магазинов «Русские самоцветы»...

– Гм! – сказал мой комиссар, не вставая.

– Я говорю чистую правду – господин Лившиц просто попросил меня о содействии, не обещая за это ничего конкретного!

– Я рад, что вы столь глубоко вникли в требования нового закона, – кивнул комиссар, – потому что он действительно полной конкретики и не требует. Продолжайте, пожалуйста.

– Ничего конкретного... он очень расплывчато намекнул, что поговорит с подрядчиком, который строит мне дом в Сестрорецке...

– Строительство которого сейчас заморожено из-за недостатка средств, вы это хотели сказать? – уточнил комиссар.

– Совершенно верно, огромное вам спасибо за помощь! Я могу переходить к основному выступлению? Еще раз спасибо. Итак, предлагая снижение пошлин на импортные предметы роскоши, я исхожу из того факта, что за последнее время благосостояние всех слоев населения заметно повысилось. И то, что раньше считалось роскошью, скоро станет предметом повседневного спроса...

И дальше пошло обычное депутатское словоблудие, никому особенно не интересное. Даже репортерам, они хоть и строчили что-то в своих блокнотах, но довольно вяло. Впрочем, после заседания они все равно смогут получить копии магнитофонных записей всех выступлений.

После того как поднятый вопрос был благополучно похоронен при голосовании, депутаты перешли к главному пункту повестки дня: предлагаемому Столыпиным увеличению сбора с доходов от денежных капиталов с пяти до двадцати пяти процентов. Первым взял слово совладелец АРНа Рябушинский и сообщил, что его лично и братьев эта мера никак не затронет. Доходы его жены уменьшатся процентов на пять. Далее он перешел к основному выступлению и призвал поддержать предложение премьера, потому что такая мера вызовет перемещение части капиталов из спекулятивной в производственную сферу.

– А это что, на вашем кармане никак не отразится? – раздался неорганизованный выкрик из зала.

– Почему же, скорее всего действительно отразится. Что-то изменится. Но для оценки даже не величины, а просто знака этого изменения у меня сейчас недостаточно данных. Как только они появятся, я тут же внесу ясность в этот вопрос.

– Легко говорить, когда у вас в совладельцах сам Найденов! – вякнул уже кто-то другой.

– Акционерное общество «Автозавод Рябушинского – Найденова» является открытым, и ничто не мешает желающим вступить в его ряды, – уточнил Павел Павлович. – Кроме того, я призываю господ депутатов выступать исключительно по существу дела и не превращать заседание в балаган на потеху репортерам.

Дальше там было еще страниц пятнадцать, так что я отложил выдержки из стенограмм и снова вернулся к докладу о Кисине. Он сразу увидел, что пункт о преамбуле позволит вывести партийную агитацию на новый, гораздо более высокий уровень. Ведь в чем может заключаться личный интерес настоящего борца за народное дело, кроме установления наиболее справедливых общественных отношений? А значит, все это можно будет в полном соответствии с законом отражать в преамбулах. И теперь дело осталось только за тем, чтобы на ближайших выборах провести в Думу побольше своих кандидатов. В настоящих условиях политика игнорирования выборов себя исчерпала, сделал вывод Кисин.

А вот автор доклада, младший ликтор Осторгина, сделала вывод о том, что Виктору Ивановичу захотелось в депутаты.

Здесь я глянул на часы и отложил бумаги. Все, на сегодня чисто канцлерская деятельность окончена. И вовремя, потому как в результате бесед с эрэфовским думцем я с удивлением обнаружил, что запасы моей веры в человечество вовсе не безграничны. Раньше мне казалось, что я за время пребывания у власти настолько зачерствел душой, что даже регулярное общение с таким ворюгой и жуликом, как Немнихер, не вызывает у меня отрицательных эмоций. Но после бесед с думцем из двадцать первого века я понял, что был элементарно несправедлив к милейшему Арону Самуиловичу. На фоне того урода он вполне мог сойти за идеал твердости духа и яркий пример бескорыстного подвижника. И гения к тому же, потому как вдобавок ко всей своей моральной омерзительности думец был еще и откровенным дураком. От недолгого общения с ним у меня пропал аппетит, но почему-то захотелось устроить внеочередную тренировку по стрельбе из своего пистолета.

Однако в ближайшее же время мне предстоял сеанс душевной реабилитации. До самого вечера я буду общаться с двумя вполне приличными молодыми людьми, которые мало того что порядочные и интересные, так еще и как минимум не глупей меня. А возможно, даже умнее. Зато я пунктуальный, подумалось мне после взгляда на часы. Уже пять минут как они должны быть здесь!

– Господа Френкель и Капица! – сообщил мне динамик на краю стола. Я нажал кнопку, что означало: запускать немедленно.

– Извините за опоздание, Георгий Андреевич, – сразу сказал Капица, – мы взяли расстояние от станции до дворца и, поделив на скорость пешего хода, получили время в пути. Но не учли, что у нас два раза проверят документы перед дворцом и еще один раз внутри.

– Ничего, я уже давно заметил, что редкая теория выдерживает первое соприкосновение с практикой. Так что внесите в формулу расчета времени поправки, и можно переходить к следующему вопросу. Что интересного вы мне расскажете о результатах своих мысленных экспериментов?

Полтора месяца назад я привлек их к работам по изучению произвольной телепортации в наш мир Кисина с Кобзовым, но пока втемную. То есть описал им установку, передал результаты опытов Арутюняна и попросил придумать теорию, которая бы хоть как-то объясняла эти фокусы. А в идеале – еще и прикинуть, как можно увеличить расстояние, на которое происходит телепортация, и массу перебрасываемых объектов. Про то, чем кончились эксперименты, я им пока не говорил.

– Если вкратце, – начал Френкель, – то все описанное вами вполне может быть, если использовать понятие вариантности пространства. То, в котором мы живем, – оно инвариантно. То есть объем тела не зависит от того, снаружи мы его измеряем или изнутри. Но если предположить, что это всего лишь частный случай, и принять, что объем, измеренный снаружи, может не совпадать с ним же, но изнутри, то тогда описанное вами поведение частиц вполне укладывается вот в эти формулы.

Он протянул мне листок бумаги.

– Мы понимаем, – встрял Капица, – что представить себе такое пространство невозможно, но пусть это будет принятой для удобства моделирования абстракцией.

– Ну почему же, – возразил я, – мало ли чего невозможно себе представить, а оно тем не менее прекраснейшим образом существует. Мне, например, не далее как позавчера довелось общаться с таким козлом, какого не только вы, но даже и я до сих пор себе не представлял. Но это нисколько его существованию не мешало. Так что в вашей математике я постараюсь разобраться попозже, а пока огласите общие выводы, пожалуйста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.